

Валерий Столыпин

Сборник рассказов

С ТОБОЙ
ТОЛЬКО С ТОБОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Столыпин

С тобой. Только с тобой!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64027251

SelfPub; 2022

Аннотация

Все мы мечтаем встретить того единственного, кто сможет полюбить весь выдуманный нами космос: привычки, предпочтения и мечты вместе с нами в придачу. Откуда появляется идея, что кто-то будет любить все наши недостатки, непонятно, однако, меняться не хочется, да и сложно: любим как умеем, ищем предназначенную свыше половинку, однако места для неё в своём мире оставляем гораздо меньше, чем себе любимому. Мы строим планы, мечтаем о будущем, в котором сами являемся центром личной Вселенной, но не хотим ни в коей мере зависеть от чьих-либо предпочтений и желаний.

Можем ли мы быть счастливыми в тисках таких обстоятельств? Бывает, что да, чаще – нет. Тем не менее – жизнь продолжается.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Давай разведёмся	4
Проекция несостоявшейся мечты	17
Нимфетка	25
Всё не так	41
Не все девушки ангелы	121
Первый мужчина	147
Королева красоты	161
Осколки	180
Отравленная приманка	200
Приятного аппетита	221
С тобой. Только с тобой!	228

Валерий Столыпин

С тобой. Только с тобой!

Давай разведёмся

– Ты меня любишь, – спросил Антон жену, пришедшую с работы на сорок минут позже обычного, что случилось последнее время чаще и чаще. Не то, чтобы он обиделся или расстроился, просто заметил неожиданно – что-то в их жизни изменилось, и задумался.

– Любила. Но это было давно. Теперь даже не знаю. Ты изменился, стал чужим, далёким. Заметил, что наша квартира стала какой-то заброшенной, пустой? Видел, дверца у шкафа отвалилась, кран течёт. Всё потихоньку разваливается. Жизнь тоже.

– Ищешь повод для скандала?

– Вовсе нет. Ты задал вопрос, я на него отвечаю. Скоро год как мы с тобой не гуляли, не мечтали, не разговаривали по душам.

– Тоже заметила? Скучно стало вдвоём, подруга. Я вот

всё думаю, как вышло, что мы с тобой оказались семьёй, не напомнишь? С чего всё началось?

– Ты был самый лучший. Я таяла от твоего взгляда, с ума сходила от прикосновений, от необыкновенного запаха. Когда ты сказал “люблю”, меня трясло целые сутки. Пять минут без тебя были испытанием, несколько часов – пыткой. Первый поцелуй казался волшебной сказкой. Кажется... нет, точно – я была счастлива. А ещё... ещё ты умел делать для меня кое что особенное, но это потом, после свадьбы. Теперь, увы, разучился дарить праздничное настроение, стал равнодушным, ленивым.

– Я тоже тогда терял рассудок, боялся, что не полюбишь меня, позже, что когда-нибудь могу тебя потерять. Серые глаза, милые кудряшки, плавные линии силуэта. Ты казалась мне такой совершенной, такой восхитительной, такой изящной, волнующей, нежной.

– Теперь не кажусь?

– Не то, чтобы очень. Теперь мне есть, с чем сравнивать. Это был сон разума. Ты обыкновенная, как все.

– Следовательно, я в твоём сне – чудовище. Прикольно.

– Нет-нет, не так. Наверно я повзрослел, понял, что придумал тебя, сочинил безупречный образ. Так бывает. Наваждение, галлюцинация, морок. Разве у тебя не так?

– Меня всё, почти всё в нашей совместной жизни устраивает, кроме... Впрочем, неважно, я готова подстраиваться, уступать, но ты тоже постарайся.

– Зачем? Давай разведёмся.

– Долго думал, любимый? Как ты себе это представляешь?

На лице Вероники отразилось раздражение, следом недоумение, обида, потом брезгливость и злость. Она беспомощно сжимала кулачки, часто-часто моргала, выкатила из глаз пару хрустальных слезинок, которые немедленно промокнула платочком.

– А давай, сколько можно играть в любовь с тенью! С чего начнём?

– С обнуления конечно. Снимаем с себя ответственность за отношения, быт и всё прочее. С этого момента мы – свободные люди. Предлагаю отметить. Приготовь что-нибудь вкусненькое, а я сбегаю за вином. Тебе какое взять?

– Мне Мартини и апельсиновый сок, но готовить не буду.

– Почему?

– Потому что у нас свободные отношения. И отмечать развод я буду не с тобой, а с Игорем.

– С каким это ещё Игорем?

– Стоп, Антон, остынь. Ты же обнулился. Мы теперь сожители, вынужденные до официального развода находиться в одной квартире, так? Хочу сообщить радостную весть другу, порадоваться вместе с ним.

– Вот значит как! Тогда и я тоже... это... к Людке пойду, к Миковой. Домой не жди.

– Тогда я Игоря сюда приглашу.

– С какой стати!

– Свобода, Антоха, мечта поэта. Сама хотела предложить, ты оказался смелее.

– Давно ты с ним? Кто он, любовник?

– Почему я должна перед тобой отчитываться? Друг, просто друг.

– Ты его любишь, то-есть... спишь с ним?

– О-ла-ла, это что – ревность? С какой стати ты меня допрашиваешь, господин Ноль? Впрочем, мне скрывать нечего, коли мы в разводе: просто мечтаю отдаться ему как можно скорее. Дружить с мужчиной – извращение. Хочу почувствовать его в себе целиком.

– Думаешь вывести меня из себя? Так вот знай – у меня две любовницы: Людка и Полина.

– С Миковой связывать судьбу не советую. На передок слаба. А Полина, какая она, я её знаю?

– На, смотри; вот видео, вот фото.

– Симпатичная... но стерва, – сделала заключение жена, демонстративно переодеваясь в театральное платье, нанося немыслимой яркости макияж, – по глазам вижу. А так ничего: простенько, но со вкусом. Ладно, поговорили и хватит. Я ушла.

Антон закурил, включил чайник.

Настроение было безнадежно испорчено. Идти никуда не хотелось.

– Игорь, значит! Муж про измену узнаёт последним. Дрянь! Так и знал, так и знал!

Вернулась Вероника утром. Шагом манекенщицы продефилировала в спальню, скинула платье, нижнее бельё, набросила пеньюар и скрылась в ванной.

Антон был ошеломлён её бесстыдством: вызывающей наготой, дерзким поведением, нарочито циничной демонстрацией беспредельной свободы.

– Она что, охренела, – возмутился он, – какая наглость, какая вопиющая мерзость – щеголять перед мужем в neglige после того, как переспала с любовником.

– Ты злишься, Антоша, я слышу. Полинка не дала? Сочувствую. А я... я такая счастливая. Давно такого блаженства не испытывала. Здорово же ты придумал. Мне так понравилось разводиться. Я ведь раньше не знала, что такое оргазм. Теперь знаю. Дотрагиваюсь сейчас до того места, ты меня слушаешь, где совсем недавно, буквально только что, был праздник... я ведь тебе супружеский долг отдавала, а

ему... ему отдавалась от всей души.

– Какое мне дело, сколько оргазмов ты насосала!

– Не завидуй, Антоха, не злись. Я ведь не психовала, когда ты у Людки ночевал.

– Откуда ты знаешь?

– Запах, мужчина. Запах чужой самки, похоти, блуда. И ещё кое-что, чего не потрудился скрыть. Так вот, о чём я говорила-то? Ах, да, про оргазм...

– Какая же ты дрянь, Вероника! Я на работу. Вечером поговорим.

– Интересно, о чём? Вечером меня не будет. Когда заявление подадим?

– Да хоть сегодня. Нас, бездетных, в два счёта разведут.

– Чудненько! Ты жениться планируешь?

– Ну, уж нет! Я думал, что хоть ты у меня порядочная... оказалось...

– У тебя я и была порядочная. Сам сказал – надоело, скучно, каждый сам по себе, свобода и всё такое. Я женщина послушная: попросил – исполнила. Что не так-то?

– Всё так. Привет Игорю!

На душе у Антона было тоскливо и пусто.

На работе он повздорил с напарником, психанул на начальника. За что бы ни взялся – всё валилось из рук.

В итоге Антон сказался больным, ушёл на два часа раньше, купил бутылку водки, которую вскоре отдал опухшим от жажды алкашам, выпрашивающим у прохожих пару рублей на пиво.

Бродил неприкаянно, не в силах собраться с мыслями, злился на себя, на Людмилу с Полиной, на обстоятельства, заставившие сделать жене непристойное предложение, на Веронику, с радостью его принявшую, на неведомого Игоря, от которого она тащилась.

– Оргазм, видите ли, у неё! А у Людки, интересно, был хоть раз этот самый оргазм? Пойду, спрошу.

В парикмахерской у любовницы никого не было. Людми-

ла сидела с закрытыми глазами, слушала что-то через наушники.

Антон посмотрел на неё и обомлел, не понимая, как мог Веронику променять на эту невзрачную женщину.

– Людка, – неуверенно начал он, – забудь про меня. Извини!

– Ты же развестись хотел, замуж звал.

– Передумал.

– Ну и вали отсюда! Женишок драный. Толку-то от тебя: ни украсть, ни покараулить.

– Сказал же, извини! Люд, а ты это... у тебя оргазм был?

– Ну, ты Антоха и придурок! Был, конечно, но не с тобой.

– Врёшь ведь!

– Вру, не вру – не твоё собачье дело! Хреновый ты любовник.

– А замуж чего хотела?

– Без мужика тяжко. Плохонький да свой. Ты за своей Во-роной как за каменной стеной, не знаешь, что такое одиночество. На всём готовеньком живёшь. Ладно, вали, не трави душу. Ты это... если передумаешь – приходи.

– Уходи, приходи. Не нужен мне никто. Без баб обойдусь. От них одни неприятности. Вот и Полинке позвоню – пусть на меня не рассчитывает.

Антон купил газету объявлений, просмотрел предложения съёма квартир. Цены были ого-го, не укусишь.

– К Витьке пойду жить, – решил он, – даром холостяку-ет. Вдвоём веселее. Сейчас Веронику вызову с работы, пой-дём заявление подавать. Мужик я или нет! Оргазм её задери вместе с хахалем. Молодуху себе найду. Пожалеет ещё.

Заявление в загсе приняли, но дали время подумать.

Ночевал Антон у Витьки, который поведал ему о свободе и индивидуальности, – короче, братан, у меня подруга и всё такое. Погостил, уважил я тебя, дальше сам.

Не так Антон представлял себе развод. Не так. Не было на сердце радости, не было предвкушения праздника: ничего

не было, кроме пустоты и горечи.

Вероника не обращала на него никакого внимания, словно не было Антона вовсе.

Обидно было. Столько лет вместе прожили. Что он – доброго слова не заслужил?

После работы Антон спешил домой, готовил ужин в надежде поговорить, обсудить. Тщетно.

Вероника улыбалась, вела себя шаловливо, как девчонка: напевала что-то легкомысленное, кружилась, прыгала на одной ножке, накупила целую стопку эротического белья, демонстративно задирала подол, как бы нечаянно оголяла грудь... и исчезала в ночи.

Антон ревновал, мучился, – постеснялась бы при живом муже наряжаться в такую срамоту. Специально дразнит, зараза!

Развели их до обидного буднично, за документами сказали прийти через неделю.

– Присядем на дорожку, – предложила бывшая, – обсудим жизнь-бытьё. Квартира моя, точнее родительская, тебе ниче-

го в ней не обломится. Пока не найдёшь где жить гнать не буду. Упрекнуть мне тебя особенно не в чем, мне с тобой было хорошо. Любовь не бывает вечной, я ведь понимаю. Знаешь, вчера мне было особенно грустно. Провожать последние часы истекающего по непонятной причине брака – то ещё удовольствие. Всплакнула, наткнулась нечаянно на стихи Тушиновой. Кстати, её тоже Вероника зовут. Послушай. “А знаешь, всё ещё будет! Южный ветер ещё подует, и весну ещё наколдует, и память перелистает, и встретиться нас заставит, и ещё меня на рассвете губы твои разбудят. Понимаешь, всё ещё будет! В сто концов убегают рельсы, самолеты уходят в рейсы, корабли снимаются с якоря... Если б помнили это люди, чаще думали бы о чуде, реже бы люди плакали. Счастье – что оно? Та же птица:пустишь – и не поймает. А в клетке ему томиться тоже ведь не годится, трудно с ним, понимаешь? Я его не запра безжалостно, крыльев не искалечу. Улетаешь? Лети, пожалуйста... Знаешь, как отпразднуем встречу!” Жаль только – не про нас это. Очень жаль.

– Ты серьёзно, Вероника?

– Куда серьёзнее-то... ладно: долгие провода – лишние слёзы.

– Игорь ждёт?

– Что, кто... какой Игорь? Ах, да! Шутила я, поддержала твою игру, развлекалась.

– Да ладно! А ночевала где?

– У Янки спала. От неё Борис ушёл, вместе счастье оплакивали. Счастье, говорил Есенин, есть ловкость ума и рук. Все неловкие души за несчастных всегда известны. Это ничего, что много мук приносят изломанные и лживые жесты. Нам с тобой обязательно повезёт.

– Вероника!

– Что?

– Выходи за меня замуж.

Проекция несостоявшейся мечты

Юноша любил читать и мечтать.

Удивительно, но произнося про себя обычные слова и фразы, Ярослав представлял себе совсем не то, что было написано. Он видел и чувствовал иначе, переживал события, которые развивались совсем не по тому сценарию, который предлагал автор, представляя себя на месте персонажей.

Ярослав – восторженный романтик, которому реальную жизнь по большей части заменял мир видений и грёз. Он мечтал о большой любви с бесконечным счастливым продолжением, в котором ветер надувал паруса, обещая сказочные приключения.

Дождливая летняя ночь бесшумно ползала по стене сполохами света от фар проезжающих вдалеке машин. По окну зигзагами стекали капли, в которых мерцали разноцветные искры. Жидкие светлячки загорались и исчезали, словно огоньки цветомузыки, как ощущения и мысли, которые озаряли сознание Ярослава, лежащего на кровати в одежде.

Он вглядывался в эту волшебную красоту, чувствовал её очарование, восхищался, но видел вовсе не то, что порхало

по стене и струилось на поверхности стекла. В таинственной дымке юноша явственно различал подвижный девичий силуэт.

Проекция суетливых теней, передвигающих по комнате мебель, причудливо искажающих пространство, создавали таинственный мир, мерцающие бриллиантовые вспышки на чёрном фоне рассеивали и вновь высвечивали танцующую девочку.

Звуков практически не было, кроме размеренно прыгающей стрелки настенных часов и гула проносящихся автомобилей, которых Ярослав совсем не слышал, потому, что его внимание привлекало восхитительное видение.

Юноша лежал неподвижно, опасаясь, что иллюзия может испугаться и исчезнуть. Он был взбудоражен, очарован нахлынувшими внезапно светлыми чувствами, расширяющими вселенную, делающими его сказочно счастливым.

Ярослав ясно понимал, что это опьяняющее гипнотическое состояние он вызвал сам, сосредоточившись на переживаниях.

Фантом девочки и его восприятие завораживали, заставляли чувствовать совсем нереальное, словно он находится

рядом, слышит дыхание, улавливает душистый аромат разгорячённого танцем тела, даже может присоединиться, взяв за руки и кружить, кружить.

Внутри Ярослава звучала ритмичная музыка, какой прежде никогда не слышал. Она будила воображение, посылала одурманивающие мозг желания, которые разливались по телу сладостным наслаждением.

Юноша вызывал в сознании не мифический, совсем не придуманный образ, а голограмму реальной девочки, которую встретил вчера, с которой, не ожидая от себя такого, смело познакомился. Танцующую в сполохах света фею звали Аглая.

Ярослав думает только о ней, вспоминает взгляд, улыбку, движения, голос. Девочка виделась юноше таинственной, прекрасной и призрачной как эта тёплая ночь. Она пленила, потрясла неизвестно чем, была беззаботная, игривая, беспечная, веселая, невесомая, и яркая как воздушный шарик.

Ярослав купил мороженое. Они стояли у пруда с лебедями и утками, выпрашивающими корм, говорили и говорили, не важно, о чём, лишь бы подольше продлить мгновения неожиданного счастья.

Девочка звонко смеялась, смотрела прямо в глаза, заботливо вытерла его ладони своим платком, потом сама предложила взяться за руки.

С ней было настолько легко общаться, словно знакомство состоялось когда-то в прошлом, не сейчас.

Одна Аглая, появляясь и исчезая, танцевала на расстоянии вытянутой руки в сумеречном свете, другая уютно устроилась в его сердце. Обе будили светлые чувства, желание дотронуться до мечты, убедиться, что это не сон, что уже завтра они встретятся.

Ярослав грезил, путался в мыслях, представлял себя на свидании, где приближался к девочке, брал её за руку, чувствовал тепло, некую искристую энергию, проникающую внутрь, которая распирала изнутри, вызывала эйфорию.

Танцующая проекция неожиданно приблизилась, плавно протянула руки, которые остановились рядом с его лицом словно в замедленном кино и застыли, расплываясь в переливающемся призрачном мареве.

Юноша пытался дотянуться до таинственной гостьи, хотел поприветствовать её, вскочить, но тело оставалось неподвижным, оно словно окаменело, совсем не желало слушать-

ся.

Мутная пелена медленно опускалась между ними, превращала девочку в вытянутую и закрученную спиралью чёрную каплю, которая, быстро вращаясь, просачивалась куда-то вниз. Красивая картинка моментально испарилась в непроглядной темени, исчезая вместе с сознанием.

На самом деле Ярослав давно спал, но яростно пытался ухватить обрывки ускользающей мечты, которая почему-то переместилась в другую реальность.

Вдруг стало страшно, что невозможно будет отыскать Аглаю, такую милую и доверчивую, такую тёплую и родную. Ведь он даже не успел сказать, насколько она дорога ему.

Юноша метался во сне, настойчиво звал подружку, она не отвечала. Чем глубже Ярослав проникал в чёрную пустоту, тем сильнее наваливалась растерянность и тревога, запирая дыхание.

Боясь задохнуться, Ярослав в панике попытался вынырнуть, выплыть на поверхность, где есть воздух, где хоть чего-нибудь видно. Всё его существо захлестнул ужас.

Солнце давно взошло, дождь закончился.

Одеяло и подушки валялись далеко от кровати, простыня скомкана, тело покрыто липким холодным потом, сердце колотилось, словно загнанный в угол зверёк. Юноша смотрел вокруг, но не мог понять, где и почему находится.

Сознание возвращалось медленно. Сильно болела голова. Ярослав вспомнил, что явственно видел, как исчезала во мраке ночи Аглая.

Девушка ждала его в парке, только выглядела несколько иначе, чем при первой встрече. В ней не было прежнего очарования. Во всяком случае, оно померкло в сравнении с ночной проекцией.

Молодые люди долго гуляли, ели мороженое, кормили лебедей и уток, держались за руки, много говорили. Ярослав украдкой прикасался к волосам Аглаи, вдыхал возбуждающий аромат её тела, неловко держал за руку и тонкую талию, даже зачем-то признался в любви, которой совсем не чувствовал.

Что-то было не так.

Не так как вчера, не так как прошедшей ночью, не так как представлял себе в мечтах и грёзах.

Девочка была обворожительна, мила и прелестна, но что-то важное исчезло вместе с той закрученной чёрной каплей, которая забрала с собой энергию страсти.

Реальная Аглая была обыкновенная, обыденная, будничная. В ней не было мистической тайны, невесомости и загадки.

До неё можно было дотронуться и ничего, совсем ничего особенного не происходило.

Свидание проходило так или почти так, как виделось в грёзах, а в глубине сознания отчего-то возникала и приобретала масштаб горечь потери.

Понять, отчего ему одиноко и грустно рядом с мечтой было невозможно.

Девочку нужно было развлекать, о чём-то с ней говорить, делать вид, что испытывает восторг от прикосновений, а его почему-то не было.

Ярослав пробыл с подружкой почти весь день, потом провозжал домой, почти решился поцеловать, но стоило только закрыться за ней двери, как на него моментально накатила

беспросветная тоска, померкли яркие краски, вечер стал унылым и безрадостным.

Юноша долго бесцельно бродил по городу, избегая людных мест, закрыв глаза сидел на скамейке в тёмном углу аллеи, вспоминал предыдущую волшебную ночь, танцующую в мерцающем свете невесомую фею.

Она была настоящая, восхитительная, волшебная.

Сравнивать её с Аглаей было невозможно.

Вернуть взволновавшее его видение удалось лишь на мгновение, но этого было достаточно, чтобы возродить ликование и восторг в душе, почувствовать прилив сил, желание жить, вдохновение.

Ярослав побежал домой, где неподвижно, как вчера, улёгся в кровать, и стал ждать возвращения чуда.

Юноша не догадывался, что мечта обязательно должна быть разумной. Он не заметил, как вместо того, чтобы поднять паруса, опустил якорь.

Нимфетка

Любовь искали и не находили,

Любовь теряли и не берегли

«Любви не существует», —

Люди говорили...

А сами... умирали без любви...

Жюли Вёрс

“Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...”

Крутится и крутится одна и та же мелодия в голове, да ещё голосом Утёсова.

– Вот ведь привязалась! Почему я так рано родился, почему! Мне двадцать один, а ей...

– Ждёшь – не ждёшь, а она – бац и явилась! Глупости, какие. Угораздило же меня... Девчонка ещё вчера из детского сада, ну, чуть постарше – тринадцать лет, шестой класс, ре-

бёнок совсем, а я места себе не нахожу при виде её, готов следы целовать, музыку сочинять, тоннами портреты писать. Совсем умом тронулся. Какая может быть любовь между мужчиной и девочкой? Извращенец чёртов!

Игорь раздражённо, порывисто метался по студии, нервно крутил в руках барабанные палочки, время от времени со злостью стучал ими по ударным инструментам, которые кричали и выли от боли.

От его странной боли, которая рвала душу и не находила выхода.

– Она же мне в дочки годится. Ребёнок совсем. Так ведь я ни на что и не рассчитываю, ничего непристойного в уме не держу, разве что поцеловать мечтаю, за руки держать. Мне бы видеть её, глазами ласкать, что в том плохого?

Подожду, когда подрастёт, а пока буду холить и лелеять. До восемнадцати ей ещё пять лет. Всего пять или целых пять? Блин, блин, блин! Неужели так бывает!

Что я могу с собой поделаться, если с ума по ней схожу! Чем, чем она меня так опутала? Глаза, губы, голос, запах? Чем? Отчего маюсь так, скучаю, не успеваю расстаться, – сам с собой громко разговаривал парень.

Игорь таскал Любочку с собой повсюду, где только возможно.

В музыкальной студии на репетиции она всегда сидит на сцене, на концертах – в первых рядах или за кулисами. В ресторане, когда ребята играют – за отдельным столиком. Правда в десять вечера он вызывает такси и отправляет её домой.

Юноша посвящает ей песни, рисует портреты. В его комнате все стены увешаны карандашными набросками.

Их сотни...

Игорь рисует и рисует: движения, силуэты, позы, глаза, губы, руки.

Да-да, особенно кисти и пальчики.

Их он изображает крупным планом на отдельных холстах.

Маленькие детские ручки: тоненькие-тоненькие, нежные, ласковые, с аккуратными блестящими ноготками.

Игорь их обожает. А Любочка с удовольствием позирует,

позволяет целовать их и гладить.

Ещё Игоря восхищают её глаза, такие разные: то укоризненные, то весёлые, то хитрые. Выражение этих глаз бывает испуганное, смеющееся, тоскливое, возбуждённое, застенчивое, изумлённое, но всегда удивительно прекрасное.

Несколько альбомов её портретов и взглядов.

Иногда Игорь просыпается среди ночи и берёт в руки карандаш.

Но всё не то, не так. Разве можно изобразить совершенство?

Она особенная, волшебная, очаровательная, разная.

Вокруг парня вьются десятки возбуждённых, очарованных его талантами девушек, готовых на всё: ведь он поэт, музыкант, художник, причём молод и чертовски привлекателен.

Только ему совсем ни к чему это навязчивое внимание. Ничего, кроме Любочки, ему не нужно.

Игорь мечтает посвятить любимой жизнь без остатка: хо-

чет дарить, дарить и дарить. Он готов делиться буквально всем, что имеет: преподнести в качестве презента себя, талант, вручить судьбу.

Без Любочки ему ничего не нужно. Совсем ничего.

Жить рядом, близко, преданно вглядываться в каждую милую чёрточку, целовать паутинку морщинок на ладонях, вдыхать удивительный запах, облако изумительного пряного воздуха, окружающее девочку: изысканный, ласкающий обоняние коктейль из сладкого молока, фруктов и цветущих трав.

Её кукольное личико без следов времени с неизменной улыбкой посылает Игорю вдохновение.

Юноша садится на пол к самой стенке, закрывает глаза, видит, чувствует, как нежно прикасается к щекам девочки, как она зовёт его губами, как...

Однако до настоящих поцелуев ещё целая вечность. Это табу.

Если только в лобик.

Или в нос. В маленький, аккуратненький носик. Он ей так

к лицу.

– Вот, дурак! Надо же такое выдумать! Как нос может не быть к лицу, если является его неотъемлемой частью? Тоже мне художник, от слова худо!

Игоря поражает, возбуждает и радует её детская наивность, легкомысленная доверчивость, искренность, беспечность, кротость, поистине ангельский характер: дружелюбный и невинный.

Любочка с ним дружит, доверяет во всём, чувствуя, что этот замечательный добрый дядя никогда, ни при каких обстоятельствах её не обидит.

– Разве можно обмануть такое всеобъемлющее доверие? Да ни в жизнь. Провалиться мне на этом месте, если...

Изумительная, сногшибательная энергия, физически ощутимые флюиды, исходящие от её юного тела витают повсюду, когда девочка рядом.

Её присутствие возбуждающе пьянит, будоражит воображение, рождает мечты, формирует диссонанс, одновременно создавая и разрушая гармонию, создаёт контрастные ощущения, нарушающие координацию ощущений, движений и

мыслей.

Одного глубокого вдоха чувственного бальзама, исходящего от её волос, достаточно, чтобы у парня закружилась голова, задрожали ноги в коленках, а руки перестали слушаться.

Когда Игорю удаётся украдкой погладить Любочкины волосы, он не моет руки, чтобы подольше сохранить благоухание девственной непорочности.

Говорят, что в лёгких находится множество вкусовых рецепторов. Рядом с девочкой Игорь всегда чувствует сладкий привкус и целый букет фруктового благоухания, значит это действительно правда.

Надышавшись возбуждающего аромата, Игорь встречается с её восхищённым взглядом, он ведь для девочки кумир: беспредельно талантливый музыкант и художник, просто гений.

Любочка очарована его многочисленными дарованиями, готова сколько угодно слушать извлекаемые им из инструментов звуки, интонации голоса.

Если бы Игорь попросил отдать за него жизнь, девочка, не

задумываясь, сделала бы это.

Картины, рисунки и звуки, создаваемые идеалом, идолом, вызывают у неё мистический трепет, последовательность насыщенных неуправляемых эмоций, чувство беспредельного восхищения, желание поклоняться и любить.

В школе и дома только и слышно от Любочки о выдающемся гении блистательного Игоря.

Таинственные, завораживающие, гипнотизирующие глаза с золотистыми искорками, в которых веселятся и озорничают чертенята, сводят Игоря с ума. В прямом и переносном смысле.

Он совершенно перестаёт соображать, глядя на свою фею, старается переключить зрение на нейтральный объект, иначе моментально забывает, где, почему и зачем находится.

Иногда это бывает очень неловко, особенно если рядом случаются невольные свидетели.

– Страдать и метаться на пределе эмоциональных возможностей от присутствия маленькой девочки! Бред. Никто в такое не поверит. Да я и сам не верю!

Окружающие думают, что он опекает дочку знакомых или дальнюю родственницу. Со стороны именно так и выглядит их общение: осторожная предупредительность, деликатная тактичность, скромность, порядочность, сдержанность, заботливость и галантность.

Насколько это возможно.

Согласитесь, так никто не ведёт себя с возлюбленной.

Никому и в голову прийти не могло, что это пламенная страсть, всеобъемлющее обожание и возвышенная романтическая любовь.

Страстное, не поддающееся контролю увлечение с краткой интригой или мимолётным увлечением тоже выглядит совершенно иначе.

Эмоции и чувства поедают Игоря целиком и полностью, не давая возможности опомниться, расслабиться, объективно оценить ситуацию. Рядом с Любочкой он находился под воздействием сильнейшего нейролептика, подчиняющего сознание целиком.

Когда девочка случайно дотрагивается до его руки, тело пронзает насквозь волна дрожи, словно от удара током. А

ведь он далеко не мальчик, причём довольно давно познавший телесную любовь.

Игорь множество раз испытывал шок от ошеломляюще-ласковых прикосновений, объятий, поцелуев и даже...

Про это даже он теперь и думать не может.

Любочка богиня: скромная, застенчивая, целомудренная. Похотливые мысли к ней не липнут.

Игорь ужасно боится ранить незащищённую детскую чувствительность, испугать восторженность и обожание.

На Любочку, считает он, можно лишь глядеть.

И млеть от восторга, когда она зачарованно и доверчиво смотрит в глаза.

Девочке необыкновенно, отчаянно льстит внимание Игоря Леонидовича. Она намеренно величает его так, хотя юноша много раз просил называть его по имени.

Ну, какой он для неё Игорь Леонидович?

Игорь – руководитель местного музыкального коллектива.

ва, но для неё это равнозначно именитому артисту, которому можно и нужно поклоняться.

Он поёт и играет на нескольких музыкальных инструментах, освоил их самостоятельно, не обучаясь специально, сочиняет песни, в основном про любовь. Его исполнение девочки слушают стоя: подбадривают восторженными криком, кидают на сцену цветы, посылают воздушные поцелуи, врываются на сцену, пристают с поцелуями и объятиями, которых он стесняется.

Все песни юноша посвящает ей.

При каждой возможности рисует Любочкины портреты.

Рисунки ей очень нравятся, но Игорь всегда недоволен ворчит, уверяя, что такую красоту невозможно передать достоверно с его малыми способностями к живописи.

Наверняка он не прав, Любочка просто уверена в этом.

Игорь и её заставляет учиться навыкам живописи, утверждает и доказывает, что у неё талант.

Девочка любит рисовать, но ей не хватает упорства, а в руках нет твёрдости. Карандаш постоянно соскальзывает, вы-

лезая нелепыми штрихами за пределы рисуемых контуров. В итоге выходит совсем не то, что задумано.

Игорь Леонидович недавно познакомился с Любочкиными родителями. Поначалу они возмущались, запрещали, грозились подать заявление в милицию, имея в виду приличную разницу в возрасте и угрозу соращения.

Он выдержал давление родственников, дал твёрдое обещание, что ничего непредвиденного и зазорного случиться просто не может.

Игорь Леонидович отвечает за Любочку целиком и полностью.

Непонятно отчего, видимо внешность, манера поведения или что-то иное в его поведении и облике внушали доверие, но их встречам перестали препятствовать.

С того дня жизнь Любочки круто изменилась.

Где они только не бывали. Даже на концерты в соседние области выезжали.

Игорь неизменно после прогулок и концертов провожал её домой, пил с родителями чай и уходил в одинокую ночь.

Папа и мама больше не волновались.

– Человек-то, порядочный, говорила мама, – мало ли что в жизни случается. А если это настоящая большая любовь?

События наслаивались одно на другое, изменяя обстоятельства, людей и их отношения. Любочка позволяла Игорю немного вольностей, не стеснялась, когда он при людях брал девичье лицо в сильные ладони и целомудренно целовал в нос и щёки.

Девочка запросто могла ответить взаимностью, даря юноше ответные непорочные поцелуи. Она ещё не повзрослела, не выросла, совершенно не чувствовала возбуждения. Так обычно целуются с братьями и сёстрами, без вожделения и чувственности.

Игорь Леонидович, он ведь свой в доску, с ним можно всё, даже рассказать, как она целовалась с мальчишками в пятом классе.

И много чего ещё. Например, она нисколько не стеснялась сказать, что хочет писать, не обращая внимания, что в это время у Игоря запирало дыхание, лицо становилось пунцовым, или запросто объявить, что у неё начались месячные.

Ей не приходило в голову, что переодеваясь при мужчине нужно уйти в другую комнату или хотя бы отвернуться.

Любочка воспринимала Игоря Леонидовича как подружку. Самую-самую близкую подружку, хоть и в мужском облики.

Однажды, совсем неожиданно, Игорь Леонидович исчез из её жизни.

Навсегда.

Любочка воспринимала это как предательство: переживала, страдала, плакала.

Такого коварства от лучшего друга она не ожидала.

А мужчина просто не выдержал давление первобытной природы, заставившую его немедленно искать пару.

Биология живых организмов коварна. Она не даёт шанс расслабиться, заставляет взрослого самца искать половозрелую самку, даже если ты самый что ни на есть музыкант или художник, если у тебя неземная любовь.

Молекулы половых гормонов, имеющие размеры невиди-

мые глазу, способны командовать не только мальчишками, но и зрелыми мужчинами.

Игорь Леонидович не смог дождаться, когда окончательно вырастет и созреет его любимая. Он попросту сдался, променял любовь на банальное желание совокупляться.

Жена не вызывала у него чувство безотчётного восторга, но дала Игорю возможность и право проникать в центр вожделения, удовлетворять сиюминутную похоть, что в тот момент оказалось сильнее любви.

И родила ему троих ребятишек.

Ждать совершеннолетия любимой оставалось два года. Это стало непреодолимым препятствием.

Увы! Никто не знает своего будущего. Предвидеть последствия наших поступков невозможно. Даже взмах крыла бабочки может оказаться фатальным, чего уж говорить о хрупких и ранимых судьбах и человеческих отношениях?

Поступки, диктуемые гормонами, непредсказуемы. Против природы бессильна даже любовь, даже самая-самая чистая и непорочная любовь.

А Игорь Леонидович... он заслуженный художник районного значения.

На половине картин он до сих пор изображает Любочку, ту, тринадцатилетнюю, с лучистыми глазами, полными любви и обожания.

Всё не так

Они познакомились на литературном сайте.

Игорь Леонидович публиковал рассказы около полугода, старался отслеживать новинки, вникал в тематику изложений, пытался выработать свой стиль, что пока не очень выходило, иногда писал комментарии на понравившиеся повествования.

Понятно, что популярность его была невелика, читателей мало, а качество работ неважное: он только учился творить.

Виктория Анатольевна выложила первые работы и сразу нарвалась на агрессивного комментатора.

Мужчина не поленился, написал разгромную рецензию, не стесняясь в выражениях, хотя рассказ был довольно интересный, только сырой, да и автор не скрывал свой любительский, ученический статус.

Игорь прочитал оскорбительную реплику и решил поддержать дебютантку, отправил сообщение, в котором выразил своё мнение, отличное от резкой критической оценки.

Рецензент оказался заурядным заносчивым графоманом. Рассказы его были написаны неинтересно, безграмотно и коряво, зато бросалось в глаза обилие комментариев на чужие тексты, где он брезгливо плевался, давая гадкие оценки.

Видимо у этого автора была устоявшаяся репутация, потому, что с ним не спорили, даже не отвечали на его агрессивные выпады.

Так завязалась довольно забавная переписка.

Игорь читал у Виктории всё подряд, давал советы, но не под рассказами, а в личных сообщениях. Она в свою очередь изучала каждый его пост, писала пространные комментарии, задавала массу личных вопросов.

Спустя немного времени Игорь Леонидович получил сообщение, – Я Вас воспринимаю как близкое, даже родное существо. Поверьте, меня саму это забавляет. Каждое утро хочется побывать у Вас, в Вашем мире. Мне там хорошо, легко, понятно. И не только утром. А вообще, всякий раз, когда прихожу сюда, на этот сайт. Неужели я в Вас влюбилась? Правда, удивительно? Ведь я Вас не видела, не слышала, не прикасалась. Как же так? Мир Ваших мыслей, эмоций меня притягивает. Мне всё равно, какой Вы в реальности. Здесь, в этом виртуальном мире Вы существуете как очень притя-

гательное для меня существо. Надеюсь, не напугала Вас.

– Даже не думайте, – ответил Игорь, – Я старик. Это не значит, что не способен мыслить категориями любви, но испытать чувственный шок вряд ли. Пришло моё время глядеть на мир со стороны. Я ведь и в молодости пробовал писать, но кроме эмоций ничего в багаже не было. Обратите внимание: молодые леди и джентльмены в основном фантазируют, грезят несбыточными категориями, ищут лучший мир где-то слишком далеко от реальности. Мы-то с Вами знаем, что другого мира попросту нет. Надо любить этот, что мы с Вами и делаем. По-своему. А виртуальные отношения с Вами приятны и мне. Спасибо за откровенность!

Переписка наполнялась реальными фактами из жизни, суждениями обо всём на свете, советами, пожеланиями, просьбами.

Оба были разведены, свободны и одиноки, хотя имели детей и внуков.

Чем больше авторы узнавали друг друга, тем сильнее изменялся характер их странного общения. Оказалось, что в их судьбах много общего, но это не сближало, а давало повод для противоречий.

Спустя время Игорь и Виктория общались так, словно долгое время были супругами.

Они обоюдно расхваливали свои рассказы, выставляли высокие оценки этим работам и обращались на Вы, а в личной переписке нападали друг на друга, язвили, огрызались, иногда продолжительное время не общались вовсе, потом извинялись и вновь посылали друг другу восторженные реплики.

Если один из них публиковал рассказ, другой должен был незамедлительно ответить, иначе оппонент начинал переживать и нервничать.

– Какая сложная, настороженная и беспокойная женщина, – думал Игорь Леонидович, – дёрнул же меня чёрт с ней связаться. Она ведёт себя как жена, постоянно чем-то озабочена, недовольна. Но меня необъяснимо тянет на её страницу. Что там такое волшебное? Обыкновенная, как и я, бездарность, претендующая на внимание.

– Кто дал ему право критиковать мои произведения, кто, – раздражённо вопрошала себя Виктория Анатольевна. – Думает, если я несколько раз написала о любви, значит, можно издеваться? Я же гипотетически, виртуально. Сегодня же выскажу всё, что думаю и прекращу переписку, только про-

читаю ещё раз его последний рассказ.

– Надо же, словно о моей жизни пишет, – недоумевала она, – душу наизнанку выворачивает. Нужно поставить точки над *i*, выяснить, в чём дело. Пожалуй, стоит пригласить его на встречу, почему нет? Должна же я знать, что не так в наших отношениях.

На этой мысли Виктория сосредоточилась, наморщила лоб, – отношениях, чёрт возьми! Чего я себе насочиняла, чего, какие отношения на седьмом десятке лет! Блажь.

Прочитав несколько раз растревожившее душу повествование, женщина написала восторженный отзыв и отправила в личном сообщении предложение встретиться на нейтральной территории, в кафе у городского парка.

Игорь Леонидович раз десять прочитал предложение “обсудить и урегулировать некоторые аспекты творческих отношений”, не в состоянии дать на него адекватный ответ. Он не понимал, что именно придётся обсуждать, как себя вести и вообще...

Нервозность вызвала приступ стенокардии, подскочило давление, однако совсем не ответить было нельзя, – по крайней мере, это неприлично, по-детски отмолчаться. Не хо-

чешь встречаться – не надо, зачем создавать неоднозначную ситуацию? Ещё подумает, что испугался. Ладно, поговорим, исключительно о рассказах. Ничего личного.

Встречу назначил на час дня в выходной. Игорь специально выбрал такое время, когда отдыхает и развлекается молодёжь: не будет повода для лирики, для слишком интимных разговоров.

– Знать бы, о чём Виктория Анатольевна хочет беседовать. Не дай бог опять начнёт петь о любви, я этого не вынесу, слишком стар для этого. Нужно заканчивать этот мезальянс. В конце концов, это не единственный литературный сайт.

Виктория оказалась интереснее, чем выглядела на аватарке. У неё было благородное породистое лицо, стройная фигура и вкрадчивый бархатный голос.

Несмотря на мимолётную симпатию, по всему было видно, что Игорь Леонидович тоже вызвал у знакомки позитивные эмоции, обстановка встречи была крайне напряжённой. Впрочем, он сделал всё, чтобы не понравиться.

Разговор не клеился. Пили кофе с безразличными лицами, время от времени предпринимали попытки развлечь

друг друга незначительными фразами, но так и не смогли начать беседу.

После третьей чашки кофе и целой тарелки пирожных Игорь Леонидович сослался на необходимость отпустить дочку с зятем в театр, по причине чего придётся нянчиться с внучкой, раскланялся и был таков.

Виктория Анатольевна в недоумении просидела за столиком около часа, обдумывая, что это было, что с ними не так.

– Всё, всё не так, – возмущалась она. – Индюк напыщенный! Для чего приходил-то? Молчал, словно обвинял в чём-то. Хватит с меня, сколько можно!

Женщина углубилась во внутренний мир, принялась с собой дискутировать, то и дело бросала раздражённые реплики на отдельные фразы из его рассказов, но постепенно успокаивалась.

– Ха, – одёрнула она себя, – а сама-то. Вела себя как дура. Ведь это я его пригласила, а зачем, если за полчаса не произнесла ни слова? Чего я от него хочу? Ни сват, ни брат. Почему мы всё время чего-то делим? Или начинать нужно, или совсем заканчивать. Значит, необходима ещё одна встреча, только на этот придётся основательно подготовиться. Знать

бы к чему...

Виктория Анатольевна написала приглашение, строго обозначив время и место встречи, но минут сорок не решалась нажать на клавишу, чтобы его отправить.

“Буду ждать тридцать минут. Если не придёте, я пойму. С уважением: Вика”

Получив сообщение, Игорь Леонидович разволновался, долго не мог прийти в себя.

– Зачем это нужно, ведь мы всё выяснили! Нет у нас будущего, мы разные, именно поэтому и цепляемся друг к другу. Какие отношения могут быть у стариков? Смешно. Да и не нравятся на самом деле мне её рассказы. Просто пожалел, а она... Никуда не пойду. Я пойму!!! Тоже мне, чего она может понять, чего! У меня своё одиночество, у неё своё. Проследовали в одном направлении параллельным курсом и разошлись как в море корабли. Чего ей от меня нужно, прощальный гудок хочет услышать?

Игорь Леонидович нервничал, срывался на домашних, но ответ дать так и не решился.

Станным образом Виктория Анатольевна занимала его

мысли целиком и полностью. Он хвалил её и ругал одновременно: намеренно вызывал в душе раздражение, а следом оправдывал.

– Что с того, что она плохой писатель, я-то сам кто такой? Женщина предлагает встречаться, я ерепенюсь. Почему? Что не так? Что-что! Да не хочу я ничего выяснять, не желаю ни о чём думать. Пусть всё остаётся как есть. Поздно пить Боржоми.

Виктория Анатольевна заняла столик в кафе минут за двадцать до встречи. Сидела с беспокойным сердцем, уговаривала себя быть объективной.

– Скажу ему, чтобы не думал, будто я к нему чего-то такое испытываю. Хочу поговорить о его рассказах, только и всего. Я не виновата, что Игорь Анатольевич разбудил моё воображение. Читаю его произведения, а вижу себя, свою юность. Откуда ему известно, о чём я думала, какие эмоции и чувства испытывала, откуда? Зачем он залез в мой мозг! Пусть хотя бы ответит, кто позволил так бесцеремонно описывать то, что было совсем не с ним, со мной.

Глаза женщины подёрнулись влагой, дыхание стало прерывистым, рыдающим. Виктория посмотрела на часы. До встречи оставалось несколько минут. Нужно было привести

себя в порядок.

Игорь Леонидович твёрдо решил никуда не идти.

– Ни к чему это. Пусть сама догадается, что пытается разрушить мой устоявшийся внутренний мир. В мои годы нельзя волноваться, переживать.

Тем не менее, его тянуло на эту встречу.

Мужчина сходил в парикмахерскую, освежил причёску, надел костюм, даже купил цветок, не понимая, что с ним происходит, зачем все эти приготовления.

К кафе Игорь Леонидович подошёл минут за пятнадцать, но завернул за угол, где в скверике стояли скамейки. Мысли неслись по бездорожью, как обычно бывает, когда он приступает к написанию нового рассказа.

Он думал о себе и о ней, но отвлечённо, как о персонажах нового произведения, заставлял литературных героев схлестнуться в разных ситуациях, даже достал блокнот и начал записывать.

Получалось довольно интересное повествование. Игорь Леонидович увлёкся, не заметил, как пролетело время.

Посмотрев на часы, он понял, что тридцать минут ожидания сверх обозначенного времени истекают. Сердце застучало вразнобой. Такого казуса прежде не случалось, он всегда был старомодно, безукоризненно пунктуален.

Виктория Анатольевна уже надевала пальто, когда Игорь Леонидович влетел в зал.

– Вы нетактичный, невежливый, неорганизованный человек. Я была о вас лучшего мнения, Игорь Леонидович! Очень жаль, что мы не поняли друг друга. Прощайте.

– Извините, Виктория Анатольевна, я писал, о нас писал, увлёкся...

– Не оправдывайтесь! Что! Что вы там писали? О ком это, о нас, поясните.

– Вы не так поняли. Это рассказ, мы тут не причём, это герои, они такие же, как мы, но совсем не мы.

– Не виляйте хвостом! Дайте взглянуть, что вы там насочиняли! Наверняка какой-то бред. Впрочем, чего это я, какое мне дело до того, что вы там выдумали. Я хотела сказать, что вы меня окончательно достали, я вас...

– Не продолжайте, просто прочтите.

Виктория Анатольевна читала стоя минут десять. На её лице играла цветомузыка чувств.

– Откуда вы узнали, о чём я думала? Почему вы позволяете себе копаться в моей голове! Зачем вы это всё написали! Вы что, тоже так думали?

– Извините, но это мои мысли, а не ваши.

– Так я и поверила! Ладно, допустим. Давайте чего-нибудь закажем и помолчим.

– Согласен.

– Но он, этот ваш Виктор Сергеевич, влюбился в меня, то есть в Ирину Геннадьевну, а вы даже разговаривать со мной не желаете.

– Желаю.

– И всё время придираетесь по мелочам.

– Это от неловкости. Но ведь и вы...

– Я хотя бы попробовала признаться.

– В чём?

– Ну, знаете, Игорь Леонидович, хотите вынудить меня краснеть, как девчонку-малолетку? Не дождётесь!

– Почему вы всё время нападаете? Я не давал повода.

– А вы дайте, дайте повод. К кому это вы направлялись с цветами?

– Это имеет значение?

– Ха! Если послушать вас, ничего вообще в нашей жизни не важно, даже любовь.

– Позвольте!

– Не позволю! Вы постоянно затеваете ссору. Зачем вы пришли, я уже всё для себя решила, а тут вы со своим глупым рассказом.

– Он вам не понравился?

– Конечно, нет. Того человека зовут Виктор Сергеевич, а не Игорь Леонидович.

– Хотите сказать...

– Хотела, чтобы вы это сказали, но ничего не услышала.

– Это же глупо, чёрт возьми. В нашем возрасте с этим не шутят. Так и до инфаркта недалеко. Что вы скажете детям, внукам?

– Не обязана ни перед кем отчитываться. Почему вы всё ходите вокруг да около? Пора заканчивать этот глупый диалог. Да или нет?

– Вы о чём, Виктория Леонидовна?

– Не бесите меня, не надо, я устала от недомолвок!

– Хорошо, я понял. Ко мне или к вам?

– Что вы себе позволяете! Вы же не кавалерист, чтобы рубить сплеча.

– Тогда вынужден раскланяться. Мы не способны понять друг друга.

– Это ещё почему, позвольте спросить? Я лишь хотела сказать, что сначала нужно узнать друг друга ближе.

– Предлагаете дружбу? Но мне не двадцать лет, немного больше. Хотите узнать, переезжайте ко мне, там и познакомимся.

– Мне нужно подумать.

– Вот и думайте. О решении пишите в личку. Возможно, к тому времени я ещё не передумаю.

– Вот значит как! А поехали. Но имейте в виду: невесты – товар скоропортящийся, обмену и возврату не подлежат.

– Ну, насмешили, Виктория Анатольевна.

Вечером странная парочка ссорилась по поводу того, кто первый будет пользоваться компьютером.

Потом они ужинали с вином при свечах, эмоционально спорили о том, как в дальнейшем распорядится судьба с героями новой повести Виктором Сергеевичем и Ириной Геннадьевной. Спать отправились в разные комнаты.

Через полгода Игорь и Вика издали книгу под общей фамилией, которую назвали “Всё не так”

Держись меня – всему научу Часть 1

– Не скучай, друзей встречай, приглашай меня на чай, – задорно продекламировала Нина. —Приветик, Светулька! Представляешь, подруга, я сегодня, такая счастливая. У меня по-настоящему весеннее настроение. Посмотри вокруг: весна, красотища, любви хочется так, что в животе тошнит.

– С чего это тебя так растащило? Неужто опять влюбилась?

– От желаний, Светик, всяких-разных, милых и заразных. Крышу у меня сносит от эмоций и желаний.

– Так у тебя всегда так.

– Ничего ты, Светулёчек, не понимаешь в колбасных обрезах. Даже кошки по весне с ума сходят, а мы девушки. Природа шепчет: займи, но выпей. Я в смысле любви и настроения. А всё почему? Кровь бурлит, подруга, можно сказать закипает.

– А ты её остуди. Хочешь, я тебе льда в морозилке накопью? Могу даже коктейль соорудить.

– Неужели ты ничегошеньки не чувствуешь? А у меня вот здесь, вот здесь и ещё здесь волосы на коже дыбом встают, мурашки по всему телу бегают, и петть хочется. И вообще у меня всё встаёт. Честно- честно. Мы же с тобой девушки, мальчишки спят и видят, как бы нас поцеловать. Вот ты, ты целовалась хоть раз? Нет! Ну и дурында. Наводнение сходит, через неделю-другую дебаркадер откроют: кафе будет работать круглосуточно, навигация начнётся, теплоходы пойдут. Музыка, танцы, морячки с деньгами. Радуйся, Светулёк – зима закончилась. Заживём!

– Извини Ниночка, мне учить нужно. Весна, это конечно здорово, только экзамены скоро. Ты что, в девятый класс не собираешься?

– Сдурела что ли, зачем? Романтики в тебе нет, Светка. Учёба, работа, это для тупых и бездарных. Мы же с тобой красотки. Наше дело мужика толкового найти. И всё, дело в шляпе. Остальное его проблема. Пусть учится, если хочет или ещё чем займётся, мне без разницы. У меня и без того есть чем расплатиться. Вот посмотри. Да не туда... на ножки мои смотри. Ничего не замечаешь? А мальчишки всё видят. И колени, и бёдра, и талию как у стрекозы; осанку, походку, кожу нежную как попка младенца. Про грудь вовсе молчу. Этот аргумент бьёт сразу наповал – проверено. Когда мамки дома нет, я смотрюсь в зеркало и сама от себя тащусь. Даже

самой потрогать хочется. А тебе?

– Мне, Нина, к экзаменам готовиться нужно. Хочу десять классов закончить. Потом в институт.

– Интересно, зачем? Ты учиться будешь, а я... Скажи честно, Светка, ты когда-нибудь влюблялась, по-настоящему, до дрожи в коленках и полной потери соображения? А себя когда-нибудь трогала? Ну, там...

– Глупости это всё, ещё успею. Первым делом, сама знаешь – самолёты. Когда профессию получу – догоню. Пока мне это не интересно.

– Вот и неправильно. Время как снег, как вода в реке: его не удержишь, по капельке утечёт – оглянуться не успеешь. Жить, подруга, нужно быстро и интересно: кто не успел – тот опоздал. Лично я в училище пойду. Выучусь на оператора почтовой связи, буду сидеть вся такая волшебная, соблазнительная, изящная, красивая. Тоненькое платьице с оборочками, лёгкое-лёгкое, почти невесомое, цвета весенней травы, только прозрачное. Не совсем, конечно, но с намёком.

И декольте, как приглашение к романтическому диалогу. Этакое лирическое вступление к прозе жизни. Поэзия, понимаешь, изюминка.

Я вся такая тонкая, невесомая. Кудряшек милых пружинками наделаю, волосы осветлю, губки напомажу. Ну, врубаешься? Брови вразлёт, глаза полуопущены: томные, с поволокой, загадочные, кокетливые, чувственные.

Это я про себя, Светулёк. Ты не очень-то примазывайся – уроки учи. Сегодня все женихи мои. Никто не уйдёт безнаказанно, помяни моё слово. Нинулька сказала – Нинулька сделала. Главное, правильно выбрать: чтобы у меня, всё было, а мне за это ничего не было. Вот увидишь, всё так и срастётся. Так ты идёшь на дебаркадер?

– Ты же знаешь, у родителей денег нет. Конечно, как-нибудь и я схожу потанцевать. Мы же подруги. Только не сейчас. Экзамены, сдам – может тогда.

– Ага, к шапочному разбору, когда всех приличных парней, кто с деньгами и возможностями, другие разберут. Ты чего, подруга, всерьёз думаешь сама за себя платить? Ну, ты даёшь стране угля!

Мы с тобой девки на выданье, у нас аргументы весомее денег имеются. Делаешь невинные глазки, ресничками хлопаешь, создаёшь впечатление, что тебе мама целоваться не велит и идёшь на сближение.

Но не сразу.

Сначала нужно туману напустить, намекнуть на целомудрие, на недоступность. Они же завоёвывать, покорять любят, от этого процесса сильнее всего и тащатся. Держись меня – я всему научу.

Найдём с тобой парней, на которых пахать можно, и до пенсии на них кататься будем, с ветерком, под парусом. Эх, подруга, как хорошо, что мы девчонками родились! Меня мамка всему обучила. Главное – не дрейфь. Я с тобой, подруга, прорвёмся.

– Светка, скажи честно – не боишься? Сама же сказала – мы девочки. Но ведь только один раз. Нет, Ниночка, не убедила ты меня. Выйду замуж – тогда натанцуюсь.

– Вот ещё! Пусть они нас боятся. На мою мамку посмотри. Батя пытался выступать, гонор показывать – обломала рога на раз-два. Ладно, как хочешь, я побежала. Нужно к девчонкам успеть. Не все же такие благочестивые и скромные как ты.

Держись меня – всему научу Часть 2

Ниночкина мама, Вера Егоровна Сапрыкина, была в городе человеком заметным, уважаемым. Что ни говори – ди-

ректор овощного магазина в небольшом городе, это высокий статус, предполагающий широкий круг знакомств и определённое положение в обществе.

Правда, кроме директорства, она одновременно выполняла в этом заведении обязанности продавца и бухгалтера, а также уборщицы и дворника, но в трудовой книжке значилась именно руководителем.

Такой ворох выполняемых действий женщину несколько не напрягал. Напротив, её это устраивало: не нужно никого заставлять что-то делать, нет нужды выяснять с работниками отношения, вникать в их проблемы, а главное – профессиональные тайны наружу не вылезают.

Вере Егоровне, уже под пятьдесят, а она всё ещё в строю. Мало того, как женщина, в том самом, романтическом смысле, ещё ого-го: многим молодым по части игривых развлечений фору даст.

Но, это так, к слову пришлось.

Семья у неё крепкая, с какой стороны ни глянь: в плане отношений, да и материально тоже. Не богачи, но возможности имеют много выше средних.

В квартире холодильник, телевизор, музыка стереофоническая, ковры, импортная мебель. Но это всё мелочи, в сравнении с лодкой «Прогресс», летающей по реке с двумя моторами, мотоциклом с коляской и снегоходом «Буран».

Техникой, как это ни странно, увлекается именно она, хозяйка. Охота, рыбалка – основные увлечения этой удивительной женщины.

Она ведь не всегда была директором.

В молодости Вера Егоровна жила на берегу реки Печора, близко к устью, в маленьком рыбацком посёлке и руководила рыболовецкой артелью, сменив на этой должности безвременно погибшего в шторм отца.

Тридцать рискованных, на всё готовых мужиков беспрекословно слушались не только слов, даже взглядов и жестов этой девицы.

Силищи у Веры Егоровны было в избытке: гренадёрский рост, ладони размером с тарелку, вес более центнера и мышцы узлами.

Она легко и непринуждённо тащила наравне с рыбаками тяжеленные сети. Не сказать – не напрягаясь, но играючи,

с улыбкой, шутками, прибаутками и тягучими поморскими песнями, некоторые из которых звучали часами.

Голос у Веры Егоровны сильный и чистый. Никто не мог перепеть Верочку Сапрыкину. Обидеть её было попросту невозможно из-за душевной доброты и деликатного характера. Сама она ни за что не могла проявить агрессию без повода, но могла за себя и постоять.

Не раз она "надираала задницу" охамевшим, расшалившимся не в меру лихим артельщикам, умирняя охальников ударом кулака в лоб.

Некоторые пробовали «обломать бабу» на спор, только сраму от этой затеи имели. После таких экспериментов никто больше судьбу не испытывал.

Да и зачем? Не давала она повода для вольностей.

Если было нужно для дела, Вера Егоровна становилась жёсткой как камень, только искры летели. Своего она всегда добивалась, когда нужда наступала. Особенно почитала семейные ценности.

Правда, несколько своеобразно, но об этом потом.

Судьбу Веры круто изменила родная по отцу тётка, Степанида Фёдоровна Лисицинская. У той была неодолимая тяга выбиться в люди, чем она и занималась половину жизни, когда прочие девчонки её возраста предпочитали любовь и романтику.

Выучилась тётка на товароведа, немного поработала на рядовых должностях и семимильными шагами двинулась наверх, используя любые возможности, в том числе неодолимые мужские инстинкты.

Через несколько лет она уже была заместителем директора торговой базы. Тогда и вспомнила про племянницу, да и не только про неё: всех родных к хлебным местам пристроила. Помогла обустроиться, квартиры получить.

Вера Егоровна до сих пор ей благодарна. Никогда не забывает тётку, теперь уже старушку-пенсионерку: помогает продуктами, иногда деньгами.

Муж Веры Егоровны, Афанасий Степанович, тоже человек при должности: руководит артелью грузчиков и такелажников при Рыбном Кооперативе.

Оклад у него очень даже не маленький, к тому ещё левые подработки, премии и прочий навар.

Товар с теплоходов на базу принимают по факту, сколько оприходуют. Остальное: усушка, утруска, бой, утрата качества – его личный неделимый капитал.

Причин, по которым можно безбоязненно присваивать толику товара было много. Только дурак не воспользуется такими волшебными возможностями.

Дома у бригадира даже кладовка специальная построена, где хранятся многочисленные трофеи. Обычно этот склад забит под завязку: добра много не бывает.

Имиджевый статус приходится постоянно поддерживать: делиться с нужными людьми, умасливать проверяющие и контролирующие органы, кого-то подтолкнуть небольшим презентом к принятию правильного решения. Это жизнь.

– Не мы, такие, всё до нас придумано и продумано, – философствует в подпитии Афанасий Степанович.

В этих вопросах досконально жена разбирается, она и советует: когда, кому, сколько. Да Афанасию и не жалко тех крох. Приход в кладовку стабильный, пустой она никогда не бывала. Во всяком случае, он такого не упомнит.

Афанасий Степанович, по-другому его никто называть не решается, даже супруга, давно уже ничего не грузит, только руководит. У него даже кабинет имеется: маленький, но отдельный.

Стол с двумя стульями, топчан и тумбочка, на которой стоит поднос со стаканами и электрический чайник. Зато на двери табличка с фамилией и должностью, а это, сами понимаете, добавляет респектабельности.

Марку приходится высоко держать.

Вера Егоровна зорко следит, чтобы костюм у мужа был чистый, отутюженный, чтобы ботинки блестели, носочки обязательно светлые или в полосочку.

Ходит Афанасий в импортной дублёнке последней модели, шапку престижную носит, не какую-нибудь нерпу или кролика – норку или на худой конец пыжик. Серебряный портсигар, часики с золотой цепочкой, платочек надушенный, кожаный портфель.

Старается мужик, соответствует должности: наряды выписывает, накладные перекладывает, приказы подшивает, а главное – телефон. Самый настоящий, служебный.

Раздаст Афанасий артельщикам задания, покурит, достав из статусного портсигара дорогие папироски, и обратно в кабинет.

Под сердцем у Афанасия Степановича, во внутреннем кармане, всегда согревает душу заветная фляжка из богемского стекла, граммов на семьсот. В ней наливочка градусов пятьдесят крепостью, настоянная на диких тундровых ягодах или можжевельнике: чистая как слеза, прозрачная, духовитая.

Афанасий закрывается изнутри на ключ, достает желанный, такой родной и близкий душе флакончик, раскручивает содержимое, чтобы внутри закружилась змейкой воронка, рождающая положительные эмоции и хорошее настроение.

– Настоящий мужик никогда не променяет качественную выпивку и друзей на иные блага, – считает он. Но, это если стоящий, как Афанасий Степанович. Он человек слова и дела. Его портрет всегда висит в ряду передовиков на Доске Почёта. И премии ему приносит.

Правда, ни зарплатой, ни премией, Афанасий Степанович не интересуется. Не мужское это дело – деньги считать. На это у него баба есть, она за него всё получает, сама и решает, как и куда потратить.

У Афанасия другое хобби. Вот оно, искрится малиновой прозрачностью в заветном сосуде. Сегодня брусничная – самая любимая: немного горечи, чуть кислинки, крепость в самый раз.

Глотнёт, подержит во рту, чтобы ощутить всю прелесть букета.

В предвкушении сладостных ощущений изнутри благодарного тела с самого дна желудка поднимается волна тепла, согревая душу, вызывая преждевременное возбуждение и блаженство, которое вот-вот разольётся по всему телу.

Афанасий отрывается от созерцания амброзии, делает глоток, потом ещё и ещё, прислушивается к ощущениям...

Хорошо!

Завинтив пробку, положив флакончик под сердце, Афанасий Степанович откусывает малюсенький кусочек от мускатного орешка, разжёвывает, прыскает в рот из малюсенького импортного флакончика специальный дезодорант для рта: чтобы, ни одна собака не догадалась. Это ему ни к чему. Статус обязывает.

Скоро обед. Забежит как всегда Вера Егоровна, принесёт в судках горячее, завалит духовитыми блюдами весь стол, чешку коньяка присовокупит.

Это ритуал. Без него никак.

У них ведь любовь, трое детишек: две дочки и сын.

Теперь уже столько и останется.

Слава богу, жена успокоилась: больше не теребит его – давай да давай, ещё одного родим.

Любит она детишек.

Впрочем, он тоже.

Такую и искал. Недаром до тридцати лет не только не женился, даже целоваться себе не позволял. Берёг свою чистоту для любимой.

Вот и сейчас, даже на работе, хоть и прожили вместе двадцать с лишним лет, представляет себе Афанасий Степанович, как вечером уединятся они в своей спальне, как разложит он её крестиком, раздвинет белые ноженьки...

Афанасий даже вспотел слегка, но в дверь постучали.

Пришлось открывать.

– Такую фантазию паразиты испортили, чтоб им пусто было!

В течение рабочего дня фляжка почти пустела.

Бригадир к вечеру смотрит на мир, закрывая поочерёдно, то один, то другой, глаз, иначе всё вокруг разбегается.

В конце смены Афанасия Степановича артельщики волокли домой, скрывая этот факт от посторонних, для чего приходилось заворачивать его в покрывало.

За оказанную услугу грузчики стабильно, по очереди, получали по бутылке водки.

Учуяв домашние запахи, бригадир обычно просыпался, нащупывал флакон, и опрокидывал в рот остаток.

Эта бутылочка у него всегда под рукой и обычно выручает, не то, что некоторые люди, окружающие его вне семьи. Те всегда готовы предать и продать.

Слава богу, семья у него замечательная.

Дом, есть дом. Его он не только любит – почитает. И предпочитает всему прочему.

Вера Егоровна, например, та любит охоту и рыбалку. Она частенько пропадает на реке и в тундре все выходные на своей мудрёной технике. У неё и гаражи есть, целых два. Один на берегу, для лодки и вездехода, другой недалеко от дома. Там у неё диван, кресла, стол, плитки электрические: технику-то обслуживать нужно.

У каждого в жизни должен быть свой интерес.

Афанасий Степанович лучше полежит, помечтает, рюмочку-другую пропустит. Это он сейчас лишку себе позволяет, прежде, пока Ниночку не родили, последыша любимого, Вера Егоровна выпивать разрешала раз в неделю и то не всегда. Говорила, что отцовство и пьянство несовместимы.

– У алкашей дети рождаются убогими и хилыми, иногда и вовсе ненормальными, – говорила жена.

Приходилось терпеть.

Теперь Ниночке уже шестнадцать, ей его хобби несколько

не повредит.

У дочки своих глупостей навалом. Вон и курить уже выучилась. На отца и мать плюет с высокой колокольни, даже покрикивает.

– Где это видано, чтобы дитя, в муках и любви рождённое, родителей не почитало? Ну и времена, наступили. Свят, свят... Что делается. Ладно, это их проблемы, им и решать, – ворчал про себя Афанасий.

После приёма нескольких доз горячительного он отключился ненадолго, наполняя это состояние грёзами, в кои он систематически отлетал, мечтая о хорошем и лучшем, с удовольствием путешествуя в прошлом и будущем.

Но момент, когда с работы должна прийти Вера Егоровна, улавливал чутко, на уровне рефлекса.

Афанасий живенько соскакивал с дивана, брызгал из пульверизатора с дезодорантом в рот и шёл открывать дверь.

Главное – вовремя проснулся и протрезвел. Жена, любимая и единственная, с работы пришла, это же событие, нужно отметить. Сейчас ещё нальёт.

Мужики, особенно в бригаде, все как один завидовали его счастью.

– Дурачьё, – говорил им Афанасий, – главное для настоящего мужика – жену правильно воспитать, и вовремя, пока не привыкла права качать да истерики устраивать. Моя, например, вякнуть не посмеет.

Так и говорил, – нравится моя баба – забирайте, мне не жалко. Я себе ещё найду. В меня любая баба сходу влюбляется. А когда чувства, сами знаете, женщина как воск: делай с ней, что хочешь.

Я мужчина видный!

Но ответственный. И покладистый.

Строгий, да, конечно. Но всегда бабу к делу пристрою, если она не хабалка. На ленивых и гулящих завсегда управу найду. Сами видите, как свою супружницу выдрессировал.

Звать и принуждать её не нужно, сама свои обязанности знает. И блюдёт. А иначе... Вот, она у меня, где!

Для убедительности он до хруста сжимал кулак и резко ударял им по столу, чтобы для пущего эффекта подпрыгнули все столовые приборы и перевернулись рюмки с водкой: это не беда, вон её сколько, жидкости этой, в чулане. А можно

и наливочки.

Вера Егоровна каждый месяц самогонку варит, первач. Добротную, крепкую. Немного гонит, литров пятьдесят, шестьдесят. Больше, если только праздник, какой или по заказу, но, то редко.

Любит она эксперименты делать с настойками. То и дело новый сорт изобретает и опробовать наливает. Этого добра в их доме на всех хватит.

Как и закуски. Вон, на плите и в холодильнике чего только нет. Всё есть. Только жуй.

Вера Егоровна женщина деликатная и послушная. Что ни попроси, всё выполнит.

Иногда, только подумает Афанасий Степанович, а она уже тут как тут, на блюдечке с голубой каёмочкой подаёт: стаканчик наливки, кулебяка с нельмой, пирожок с морошкой, а то кусок сёмги, которую супруга собственноручно вылавливала и сама же солила.

Как Верочка, больше никто готовить не умеет. Вроде не училась кулинарничать, а такие блюда порой заворачивает – не оторваться.

Про сдобное и печёное совсем говорить нечего: в этом нет ей равных.

И чистота в доме идеальная.

Порядок такой, что порой противно становится.

Афанасий уже привык, вроде так и нужно, а поначалу тяжело было.

У его родителей в доме нищета и бедлам не просто поселились, а хозяевами были. Та обстановка до поры была ему родной и знакомой. До Веры Егоровны.

Сейчас другой жизни уже не хочется.

Семья, когда она настоящая – это драгоценность. Её, беречь нужно.

Вера Егоровна, когда ещё артелью верховодила, выучилась с мужиками не только строгой быть, но и романтические порывы удовлетворять без потери репутации.

Такое тоже возможно, если с умом и без излишеств.

В близости, если желание было обоюдным, обычно претендентам не отказывала: любила Вера чувственные моменты, если они делу не вредили. Не сказать, чтобы только ими жила, но жаждала воссоединения разгорячённых тел всегда и постоянно.

Подпускала к себе не всех, с разбором, и никогда не позволяла предавать факт свидания огласке.

Таких любовников, что охотники были зубоскалить и сплетничать, пресекала сразу, жёстко давая им понять, что не правы.

Обычно проколовшийся партнёр моментом вылетал из артели. Там ему становилось неудобно и тесно.

Рыбаки – мужики тёртые, жизнью потрёпанные, готовые на всё. Не от хорошей жизни шли люди на опасный промысел, не приносящий больших доходов, позволяющий лишь не умереть с голоду.

Рыба, она ведь то есть, то нет. Стихия, опять же, забирала то и дело жизни рыбаков. Не простые ребята в артели.

В качестве неутомимого любовника бери любого, не прогадаешь. Для семейной жизни, однако, лихачи не подходят:

мало того, что слишком вольные, так ещё и характером резкие. Чуть что не по ним – в драку лезут.

И что будет, если замуж за такого пойти?

Смертоубийство будет.

Вера Егоровна ведь не спустит. Значит, на кулаках выяснение начнётся, а то ещё мужик за ножичек схватится.

Нет, нет и нет!

Семья, любовь, это одно, а секс и удовольствие, совсем иное.

Ей нужен муж сильный, здоровый, работающий, но покладистый, без особых амбиций. Короче – пластилин, из которого настоящего мужика можно вылепить.

Взамен Вера Егоровна готова служить верой и правдой, окружить любовью и комфортом по мере сил и возможностей.

Семья ей нужна, и детишки обязательно.

Понятно, что не каждый позарится на девицу её роста и

комплекции, совсем не красавицу. Но счастья и ей хотелось: уюта, комфорта, семейного статуса, стабильности .

И Вера Егоровна искала...

Может и удивительно, но такой самородок нашёлся: сильный физически, хоть и невелик ростом, ловкий и неутомимый в постели, но застенчивый, начисто лишённый самостоятельности, агрессивности и смелости.

Что Веру удивило больше всего – девственник.

Поначалу Вера Егоровна опасалась, что с ним что-то не так, однако испытания показали, что всё в порядке: и с умом, и со здоровьем, и с потенцией.

Насчёт последнего качества она просто была в восторге.

Первый сексуальный опыт стал для него и последним: влюбился парень в Веру без памяти, ни о ком больше не помышлял. Не смутили его ни вес, ни рост, ни жёсткий характер, ни изъяны наружности.

Видимо крепко припекло тогда парня жениться, если за всю жизнь так ни разу и не пожалел.

Природа, как ни крути, требует реализации мужского потенциала, который вызрел, накопился и бурлит. Долго кипение это продолжаться не может: пар непременно найдёт дырочку, чтобы не произошло взрыва: затуманит мозг, создаст иллюзию, заставит прибегнуть к насилию.

Способов заставить человека любить у природы тьма.

Афанасию Степановичу просто повезло: мало того, что он получил желаемое, причём практически без усилий с его стороны, так ещё и невеста, точнее жена, неукоснительно исполняет самой себе данный зарок, чем она готова окупить мужчине его жертву, принесённую на алтарь семейственности.

Жених обманутым или обиженным себя ни разу не почувствовал, считал свой первый сексуальный опыт редким и особенным везением, а даму, которая предоставила, подарила ему себя, прекрасной.

Афанасий пел и плясал в душе, видя в случившемся добрый рок, воспринимал лишь положительную сторону события. Его это летало на крыльях любви, воспринимая своё состояние как щедрый дар.

Разве не об этом мечтал он долгими ночами?

Афанасий Степанович ликовал. Наконец-то он по-настоящему счастлив.

Веру Егоровну, тоже всё устроило.

Она с неистощимой энергией приступила к обустройству семейного гнёздышка, делая для этого всё возможное и невозможное.

Ей это вполне удавалось.

Один за другим появлялись дети, дом обустроивался, быт был налажен.

Семья для неё стала всем. За детей и мужа она готова была в огонь и в воду.

Был, правда, в кодексе чести Веры Егоровны один изъян или исключение из правила. Это с какой стороны посмотреть.

Одного мужчины ей всегда было мало.

Иметь связи на стороне со своими прежними артельщиками и кое с кем ещё из нового окружения Вера Егоровна

после свадьбы не прекратила.

Держись меня – всему научу Часть 3

Какую же великолепную возможность для адюльтера предоставляла страсть к охоте и рыбалке Вере Егоровне. Будь муж немного чувствительнее, мог бы заметить, в каком восторженном состоянии возвращалась супруга с отдыха, но для этого у Афанасия не было причин: любовь и страсть к алкоголю он удовлетворял в полной мере.

Благодарные мужчины построили в романтическом уединении небольшие охотничьи домики, где и проводила выходные дни самая верная на планете жена.

Да-да, именно такой она себя чувствовала, отказываясь считать секс изменой.

Вера Егоровна предпочитала относиться к интимным схваткам как к увлечению, игре, хобби.

Кто-то любит охоту и рыбалку за их активный характер, другие за возможность общения, как повод поговорить, выпить у костра; Вера азартный промысел всегда завершала отдыхом лёжа с сильным мужчиной, считала хороший секс с агрессивным самцом таблеткой счастья.

Семье и мужу Вера Егоровна не изменила бы ни за что на

свете. Она была верна и постоянна как никто другой. Муж свою долю любви и заботы получал в первую очередь. Любое его желание неукоснительно исполнялось, причём практически моментально.

Вера чётко разграничивала любовь и секс. Мужа она любила, а с любовниками получала удовольствие, только и всего.

В таком ракурсе она наставляла и своих девочек, настойчиво предостерегала от смертного греха измены, который убивает не только доверие, но и чувства, делая предательство обыденным, разрушая семью.

Она объясняла что секс – всего лишь приятный физиологический акт, не более того, как вкусная еда, как развлечение для души и тела, а любовь и семейные ценности, это реликвии иного, более высокого порядка, которые незыблемы и священны.

Ведь совсем не зазорно, не грешно, например, есть сладкое, – объясняла она дочерям, – мы это делаем постоянно. Почему тогда нужно превращать в исключение встречи в постели, если они приносят радость, заряжают энергией, делают нас чуточку счастливее? Ведь это так приятно.

– Главное, не допускать в процесс игры и развлечения эмоции, чувства, ни в коем случае не превращать поедание пирожного в неодолимую страсть, когда перестаёшь воспринимать жизнь без объекта вожделения, который всего-то призван удовлетворить потребность в приятных вкусовых ощущениях и подарить немножко радости, – поучала Вера Егоровна.

– Так и ешь на здоровье. Потом умиротворённая, довольная, счастливая, нежная, иди домой и удовлетвори мужа со всей возможной страстью. Он того заслужил. Супругу никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя отказывать в близости. Муж – это святое. С ним нужно пройти весь земной путь до последнего вздоха.

Вера Егоровна часто задумывалась о том, как выглядят их отношения со стороны. Явно они не идеальны, но есть повод для оптимизма: их семейная жизнь построена на любви, отношения практичны и стабильны.

Поначалу было не так или не совсем так. Был момент, тогда ещё у них не было детей, когда Вера Егоровна не позволяла мужу пить. Не совсем, но реально ограничивала. Он взбрыкнул, как-то пришёл с работы выпивши, потребовал водки на том основании, что он мужчина и глава семьи, значит, волен сам распоряжаться желаниями и потребностями.

Не попросил, именно приказал подать, вёл себя крайне агрессивно.

Кто знает, что послужило тому причиной, но Афанасий Степанович явно нарывался: грубил, выкрикивал ругательства и колкие скабрёзности.

Если честно, это выглядело в глазах жены анекдотом.

Сидит перед ней мужичок с ноготок и качает права.

Кто ему и что наговорил, отчего Афанасий пришёл в такое возмущение, так осталось секретом, однако он переступил некую черту, заорав как потерпевший, – эй, Верка, сука жирная, быстро, бегом притащила сюда свою бля...кую жопу. Почему я, глава семьи, должен сидеть и пить в одиночестве? Сиди и смотри мне в рот, потому что я... Да, я твой муж, хозяин. А ты, ты просто баба, которая обязана меня ублажать. С сегодняшнего дня ачинаю заниматься твоим воспитанием. Да! Так и знай. Вот ты где у меня будешь, – он поднял свой кулак на уровень глаз, посмотрел на него, видимо, остался недоволен, – бегом сказал. И закусь неси. Горячую.

Вера Егоровна хотела было оставить этот концерт без вни-

мания, сделать вид, что занята и не услышала, но подумав, побоялась – а вдруг такой стиль поведения ему понравится и муженёк решит, что это нормально и правильно.

Лиха беда начало... Так и до семейных конфликтов недалеко.

Вера собрала на поднос закуски, испускающие пар и жар, невероятно вкусные, дразнящие обоняние. На лице её не было видно даже следа раздражения.

Только покорность. И ещё влюбленный взгляд.

Женщина заставила стол едой, положила мужу на тарелку несколько самых аппетитных кусочков, затем зашла сзади, несколько сбоку, положила на его плечо нежную руку, и сжала её не очень сильно, однако довольно чувствительно для Афанасия.

Мужчина дёрнулся, ладонь сжала плечо крепче.

У него перехватило дыхание, тело скрючило от боли, но крика не последовало.

Афанасий полностью сосредоточился на боли. Вера наклонила к нему голову, к самому уху, и прошептала почти

без интонации, – во-первых, я никогда не была б***ью. Запомни раз и навсегда, с любимой нельзя разговаривать в подобном тоне. Сука, это тоже женщина, ты прав, только собачья женщина. Ты ничего не перепутал, милый? Это точно ты разговаривал сейчас со мной или мне показалось?

Никогда, ты меня слышишь, никогда не будем обсуждать наши дела в подобном тоне. Договорились, любимый? Если тебе чего-то не нравится, просто скажи, я всё сделаю как тебе нужно, потому, что люблю.

Вера ласково посмотрела на мужа, нежно поцеловала его в затылок, – я рада, что у нас с тобой полное взаимопонимание. Отдыхай, кушай. Я так старалась, готовила. Будет обидно, если тебе что-то не понравится. Я тебя, люблю, очень-очень люблю! Запомни. Посижу с тобой за одним столом с удовольствием.

Афанасий Степанович судорожно вдохнул. На его лице отразились испуг и недоумение, в глазах стояли слёзы.

Больше между ними никогда не возникало конфликтов.

На дебаркадере было шумно и весело. Наконец-то открыли навигацию.

По реке засновали пароходы, баржи, катера, моторные лодки. Кафе на плавучем причале горело огнями, призывно влекло громкой музыкой, красивыми нарядами девушек и женщин, заразительным смехом, танцами.

Ниночка сидела за отдельным столом вдвоём с симпатичным блондином, слегка захмелевшим и оттого щедрым.

Закуски и выпивки на столе было много, даже очень. Столько им не съесть и не выпить. Парень явно петушился, распускал павлиний хвост, чтобы заслужить право на продолжение банкета в уединении.

Собственно для этого он и затеял щедрый банкет, рассчитывая на то, что гостеприимство окупится сторицей.

Кавалер уже снял номер на несколько часов, здесь же, на дебаркадере, только девушка об этом пока не знала.

Наверно всё же догадывалась.

– Даром, – как говорит мамка, – за амбаром. За всё нужно платить.

Впрочем, Ниночка готова лишиться невинности. Хочет, даже мечтает как можно скорее опробовать блаженство стра-

сти, о которой столько всего слышала, торопится испытать, каково это, быть настоящей женщиной с настоящим мужчиной.

Ей уже шестнадцать, а она до сих пор ничего не знает об этой стороне взрослой жизни. Пора начинать.

Когда кавалер понял, что Ниночка девственница, вскочил с кровати с окаменевшим лицом, залепил ей звонкую пощёчину и заорал, – Сука! Почему не предупредила? Сколько тебе лет, дрянь? Ты чего, малолетка, хотела со мной сделать? Я же тебя из-под земли достану, если что, уничтожу.

– Ты чего, Шурик, ку-ку? Я же по согласию. Тебе не пофиг сколько мне лет? Ну и любовь у тебя. Я ему свою девственность в подарок, от всей души, так сказать, а он... Ну, ты и придурок! Извиняйся и целуй. Чего вскочил-то? Обделался? Продолжай. Вот ведь паразит, такой кайф обломал.

– Ты мне тоже.

Домой Нина пришла под утро. Родители не спали. Они сидели за столом и смотрели на неё с укоризной и страхом.

– Ну и, – спросила мама.

– Как это понимать, – спросил отец.

– Афанасий Степанович, думаю, вы должны проучить это несмышлённое дитя. Всыпьте ей хорошего ремня, чтобы впредь неповадно было. Молоко на губах не обсохло, а туда же!

– Я же мужчина, не могу бить женщину, тем более девушку.

– Думаю, даже уверена, что уже не девушку. У меня интуиция, – сказала мама, – посмотри на её масляные глазки.

– Это ничего не меняет. Отдери её сама. Пожалуйста.

– Как бы ни пришлось после тратиться на похороны. Если я ударю, она не встанет.

– Не смейте, даже не вздумайте меня бить. Я тогда совсем убегу. Навсегда.

– Невелика потеря, – сказала мама, – ложись спать. Если не желаешь слушать и слышать родителей, можешь поступать, как знаешь, но ко мне больше не обращайся. Тебе жить.

По реке ходили, не пересекаясь в графиках движения, три

пассажижских теплохода. На каждом из них плавал морячок, который успел испытать блаженство с Ниночкой.

Они не догадывались о таком продуманном коварстве, летели к подруге на крыльях любви, а отправляясь в обратный путь, оставляли ей денег на жизнь.

Ниночка с удовольствием тратилась на пустяки. Это было так здорово.

Но лето пролетело, раззадорив, подарив впечатления, которые с окончанием навигации моментально иссякли.

К весёлой жизни быстро привыкаешь, но хорошего и приятного всегда недостаточно.

Матросики отправились в порты приписки, дебаркадер закрыли, деньги закончились. Конечно, можно попросить на карманные расходы у мамки, но она теперь, после того разговора, просто так не даст, потребует полного послушания.

Осенью Нина приступила к учёбе на оператора связи, как и задумывала вначале. В училище как назло учились одни босяки, приехавшие из глухих деревень и живущие в общежитии. Местных парней было мало, да и те в большинстве своём из неблагополучных семей.

Нормальные парни заканчивают десять классов и идут в институт, а не в гэпу. Даже покадриться не с кем, а так хочется.

Привыкла Ниночка за три летних месяца к шумным застольям, к танцам до упада, к карманным деньгам, поцелуям, ласковым прикосновениям, восторженным заигрываниям, к пылкой страсти опытных любовников.

Да ещё этот холод. Как же он достал. Нужно перебираться туда, где теплей.

Но как?

В училище потихоньку определился круг друзей и подруг: надо же как-то проводить свободное время.

Ниночка обратила внимание на одного юношу. Не мальчишку, можно сказать уже взрослого, отслужившего срочную службу в армии, причём из местных, точнее из городских.

Отец у него военный, при должности, в звании майора. Но дело даже не в этом: приехала его семья из Подмосковья, где осталась за ними забронированная на время службы на

севере квартира и право на столичную прописку.

У Ниночки аж челюсть свело от предвкушения некоего грандиозного свершения, от возможности с помощью этого телка, маменькиного сыночка, из которого можно при желании верёвки вить, запросто переместиться в другой, можно сказать фантастический мир, где миллион магазинов, где модная одежда, театры и рестораны, где живут счастливые и богатые.

В голове всплывали картинки из кинофильмов: фигуры изысканных дам, роскошь, комфорт, богатство, возможность познакомиться с кем угодно, хоть даже с известными артистами.

Отец юноши будет служить на севере лет пять-шесть, столько ради достижения мечты вполне можно подождать. Зато потом...

Ниночка замыслила план завоевания столицы, даже приступила к воплощению мечты. Она вставала чуть свет, наводила марафет на причёску, лицо и одежду, тренировалась у зеркала посылать сигналы страсти, изображать заинтересованность и томность.

При каждой возможности Нина демонстрировала юноше

выигрышные округлости и изгибы тела, плавные женственные движения, обольстительные взгляды и жесты, нечаянно прикасалась к нему, всеми возможными способами изображала чувственность и пылкость, направленные именно на него.

Мальчишка поплыл.

По его реакции Ниночка поняла, что он не целован. Не избалован женским вниманием. Такого совратить – раз плюнуть. Это возбуждало и обнадеживало: увидит живую трепещущую плоть и упадёт в обморок, ещё и откачивать придётся.

Главное, как ему заманчивые прелести предъявить так, чтобы заинтересовать, но не спугнуть.

Решение пришло абсолютно случайно. Надвигался Новый год. Парень, его звали Виктор, оказался не прочь прихвастнуть. Он увлечённо рассказывал о жизни в Москве: где был, что видел, как и с кем гулял.

Ниночка начала заводить его, – врёшь, – мол, – нет у тебя никакой квартиры и Москву ты в глаза не видел.

Парень попался на эту незамысловатую удочку, заглотил

незамысловатую наживку вместе с крючком.

Оказалось, что одна из комнат в сданной квартире зарезервирована на случай отпусков или иных неожиданных потребностей.

Ниночка договорилась с подружками, девчонки нужны были для массовки, чтобы Витьке было проще решиться и ничего не смог заподозрить, слетать на каникулы в Москву, а Виктор будет для них проводником и гидом.

Сказано-сделано. Купили билеты, родители на такой случай денег выделили. Но девочки лететь и не думали. Вроде как случилось у них чего-то, поэтому пришлось остаться.

Полетели вдвоём.

Держись меня – всему научу Часть 4

Удачное начало реализации хитроумной стратегии вдохновило Ниночку. Прежде она нигде, кроме соседних деревень и посёлков не бывала, а тут сказочный перелёт из забытого людьми и богом края в столицу.

Её распирало от эйфории, от предвкушения, от ощущения счастья: будет о чём девчонкам рассказать.

Дальше было совсем просто, можно сказать дело техники.

Искушать и соблазнять Ниночка умела.

Предъявить дурню весомые аргументы и заставить с ними ознакомиться получилось проще пареной репы: комната-то одна, а их двое. Никаких проблем по ходу постановки романтической пьесы не возникло.

Первый день они долго бродили пешком по Москве. Ниночка изумлялась и млела. Восторгам, ликованиям и восхищениям не было конца: ей нравилось всё.

В качестве благодарности девушка то и дело прижималась к Витьке, целовала его в щёку, преданно и нежно заглядывала в глаза, хлопала пушистыми ресничками, ни на минуту не отпуская руку своего гида.

Вечером купили несколько бутылок вина по Ниночкиной просьбе, столичной вкуснятины и отправились на квартиру.

В нужное время Ниночка “нечаянно” оголилась. Не полностью – самую малость, можно сказать невзначай: так получилось, но этого хватило, чтобы вызвать у маменькиного сынка бурную страсть. Юноша впился в интимную подробность и пустил слюну.

Они долго беседовали, делились впечатлениями. Ниноч-

ка по ходу комедии подбрасывала новые убедительные аргументы, прижималась, “случайно” прикасалась к функционально зависимым элементам мужской конструкции, отчего-то растущим в размерах.

Это так, для затравки: не бросаться же на мальчишку сразу.

Юноша дрожал, шумно дышал, потел, ничего не сообщая: сознание его было отключено полностью первобытными инстинктами, подавившими рассудок в пользу единственного желания – завоевать право познать первородный грех.

Восторженная Ниночка быстро пьянела, сдавая между делом один бастион целомудрия за другим, позволяя всё больше, ненавязчиво поправляла неверные действия, направляла и уверенно вела Витьку на территорию порока.

Юноша не предполагал, что его попросту имеют, он искренне считал, что это любовь.

От неожиданного, но желанного поворота событий Витька поплыл. Эмоции бурлили, направляя Ниночкиными стараниями его девственную чувственность именно туда, куда следовало.

Подружка позволила теребить нежные груди с пульсирующими сосками, целовать упругий животик, стонала и плакала, искусно играя между тем недотрогу.

Не целованный, но умело подготовленный любовник постепенно осваивался с новой ролью, брал на себя инициативу: гормоны подгоняли, требовали идти дальше.

Ниночка немного поломалась для убедительности, обиженно сжимала опухшие от поцелуев губки, останавливала озорные исследовательские движения Витькиных рук, старающихся, во что бы то ни стало проникнуть под заветный треугольник, который неодолимо манил сладостной неизвестностью.

Витька чувствовал себя достаточно сильным, чтобы сломить неуверенное сопротивление подруги, ведь до цели оставались всего лишь сантиметры.

Неожиданно Ниночка уступила, позволила снять трусики, расставила белые ножки, а там...

У Витьки от завораживающего зрелища отвисла челюсть.

Произошедшие дальше события он помнил плохо. Это

был мощный взрыв острых ощущений, не поддающихся описанию.

Витька знал точно – он был ТАМ, у него всё получилось.

Ниночка, когда процесс подошёл к концу, будто очнулась и заверещала во всё горло, – Витька, паскудник, ты же меня изнасиловал, девственности лишил! Как я теперь? Что мне делать, что я маме скажу?

Минут двадцать она артистично рыдала, рвала на себе волосы, нервно курила, металась по комнате, забыв правда при этом чего-нибудь на себя набросить: так и светила своими прелестями, отчего Витька не всё понимал.

Воспалённый рассудок, если таковой мог ещё чего-то решать и контролировать, в эту минуту рассматривал лишь один вариант решения возникшей проблемы: завалить Ниночку на диван и продолжить.

И будь что будет.

Ниночка была в бешенстве.

Ловко разыграв искреннее негодование, выплеснув наружу тонны эмоций, дав понять, что Витька силой забрал у неё

самое ценное, что может быть у невинной девочки, как бы простила.

Любовники неподвижно сидели, обнявшись, укрытые одеялами до самого утра. Витька успокаивал Ниночку, целовал, но “обидеть” её больше не решился.

Девушка ликовала. Можно было сушить вёсла: дело сделано, дальше этого недотёпу можно водить на верёвочке куда угодно.

И началась волшебная неделя.

К чёрту музеи и памятники, театры и монастыри. Секс, только секс и ничего больше. Круглые сутки.

И ещё вино, на сколько денег хватило.

После очередного сеанса любви они недолго спали в обнимку и вновь приступали к поединку.

По возвращении домой ласковый телёночек ходил за Ниночкой, так он её стал называть, без привязи.

Он хотел её постоянно, Ниночка немножко ломалась, в меру, без фанатизма, но допускала без задержек и срывов,

как мама научила.

Мальчик пускал слюни, готовый теперь уже на всё. И этот долгожданный миг наступил. Со скорбным видом девушка сообщила любимому, что беременна и что отец он, Витька. А ещё сказала, что ей нет восемнадцати и что выход только один – жениться.

Витька не сопротивлялся. Даже был на десятом небе от счастья. Ему казалось, что это любовь, самая что ни на есть настоящая.

От возможности когда угодно обладать любимой женщиной ему напрочь снесло голову.

Настоящие чувства, всё по-взрослому, – ликовал Витька.

К тому же он почти отец.

Мечты о мужском счастье посещали его постоянно. Он бредил семейной жизнью, ждал интимных свиданий, мечтал о самой прекрасной девушке вселенной.

Ни много, ни мало...

Все влюблённые немножечко идиоты. Гормоны умудря-

ются с лёгкостью превращать девчонок с заурядной внешностью в богинь. Влюблённость лишает разума и воли.

Так распорядилась природа.

События ускорились, нарастали снежным комом, время летело...

Свадьба. Рождение сына. Долгожданный переезд в Подмоскowie. Любовь, любовь и ещё раз любовь во всех её проявлениях. Даже сама Ниночка поверила в то, что чувства истинные, что никакого хитроумного плана не существовало в помине.

Она терпеливо ждала своего звёздного часа, а когда всё было позади, вдруг очнулась. Какая к чёрту любовь? Не для этого она задумывала комбинацию с браком. Разве такой мужик ей нужен? Она достойна большего и цели своей непременно добьётся.

А семья... семья это так, ступенька на лестнице великих свершений.

Только такая дура как её мать может всю жизнь улаживать никчёмного мужичка.

– Это её личное дело. Никогда не изменяй! С чего бы это, с какого перепуга? Нафиг он мне сдался, этот недоделанный Витька? Хоть он и не импотент, но простофиля и неудачник. Так и жить ним до старости, считая копейки? Вот там, на дебаркадере, действительно была жизнь, похожая на сказочный бал. А будет ещё лучше. Для это стоит постараться.

Именно такого счастья: всеобъемлющего, щедрого, радостного, хочет и добивается Ниночка. Всё, что этот мальчишка мог дать, она уже получила. Пришла пора приступать к следующей фазе плана.

Ниночка отдала сына в детский сад и устроилась работать на ткацкую фабрику. Для начала и это неплохо. Сходу занялась общественной деятельностью.

Через половину года её избрали председателем месткома.

То, что доктор прописал: путёвки, поездки, льготы, знакомства, положение, статус. Не о том ли твердила мамаша, что именно эти блага обеспечивают путёвку в жизнь?

– Семья! Ну, нет! Вот где настоящие возможности.

И Ниночка начала ими пользоваться: то и дело отдыхала бесплатно в домах отдыха и санаториях, где приятно прово-

дила время с отдыхающими там солидными мужчинами, совсем не такими нищими как муж.

Она искала и находила самцов фактурных, обаятельных, энергичных, добычливых: желательно с положением, средствами и возможностями.

Такие мужчины встречались, даже иногда шли на контакт.

Некоторые из них были неутомимы в постели, красиво ухаживали, были щедрыми, но моментально исчезали, почувствовав назойливое внимание и желание продолжительной игры.

Зачем им это нужно, если и без её ласк, вполне посредственных, если признаться откровенно, у них уже всё есть и жизнь налажена?

Игра – да, это вдохновляет на интимные подвиги, заряжает энергией и оптимизмом, даёт иллюзию праздника. Одно-разовый секс в романтических обстоятельствах, увлекательный спектакль, спасающий от рутины повседневности, дающий новые ощущения, не более того.

Кстати, мимолётные влюблённости подтверждают тот факт, что все женщины в принципе одинаковы: интересно

лишь завоёвывать, побеждать.

Жена привычнее и роднее. Хотя бы знаешь, чего от неё ожидать. Прыжки налево лишь доказывают, что сказочные сюжеты вполне можно разыгрывать дома с гораздо меньшими издержками. От добра, добра не ищут. Дом и семья – незаменимые ценности, они необходимы как прочный тыл, где тебя всегда ждут, где тебе рады, несмотря ни на что.

Ниночка пробовала скрывать факт замужества и наличие сына, что ещё больше настораживало потенциальных женихов, чутко улавливающих неискренность и истинные цели.

Стратегия почему-то перестала работать.

Мужчины клевали исключительно на мимолётные отношения, чаще всего в состоянии подпития.

А время летело, изменяя внешность, лишая её обаяния юности.

Отношения с мужем всё больше походили на пытку. Романтический флёр, ожидание вероятных возможностей, эмоциональное родство и чувственная близость таяли и исчезали, а уважение так и не появилось.

Возникло раздражение, требующее разрядки.

Скандалы и истерики стали постоянными, как и походы налево.

Ниночка уже не скрывала своё отношение к Витьке, разговаривала с ним в уничижительном тоне, унижала его мужское достоинство и систематически изменяла.

Она не приводила в дом любовников, но следы адюльтера красовались тут и там на её теле, которое она бесстыдно демонстрировала, отказывая, однако, в супружеских ласках Витьке.

Обычно у неё болела голова или были месячные, но чаще Ниночка просто посылала супруга по известному адресу, предлагая найти для удовлетворения похоти любовницу.

Виктор терпеливо сносил унижения, считая, что сыну нужны оба родителя, но начал выпивать, заглушая наркотическим зельем тоску и одиночество.

Ниночка, не скупясь, наливала, избавляя себя тем самым от необходимости постоянно оправдываться. Выпив, муж становился добрым, принимал её подношения за заботу.

Изменять он не умел и не хотел, а выпивка приносила иллюзию благополучия.

Однако любая химера рано или поздно выплывает наружу. Даже Витькиному безграничному терпению был предел. Однажды он собрался и ушёл из дома.

В никуда.

Поначалу устроился в строительную артель где-то в Сибири. Отработал там сезон, совершенно бесплатно. Его попросту кинули. Потом были мелкие шабашки, разовые подработки. Ничего хорошего из этого не вышло: не умел парень устраиваться в жизни.

Судьба его была незавидной: изуродовала физически и морально, опустошила душу, затем безжалостно выбросила на улицу.

Однако ему повезло. Заботу о Витьке взяла семья брата, жизнь его со временем наладилась, а отсутствие амбиций позволило чувствовать себя счастливым.

Или это тоже иллюзия?

Впрочем, не важно.

Жизнь тем временем продолжалась. Посеянные Ниночкой семена дали всходы, принёсшие не очень приятные сюрпризы: с потерей семейного статуса неожиданно выяснилось, что ей перестали интересоваться перспективные и успешные мужчины.

Одинокая женщина с ребёнком настораживает.

Держись меня – всему научу Часть 5

Кому хочется брать на себя ответственность, воспитывать и содержать даму с прицепом? Разве что таким же неприкаянным, с печальным опытом, скверными привычками и сложным характером.

Семья, это сокровище, позволяющее человеку уверенно идти по жизни, даже когда та даёт трещину. Это тихая гавань, где можно переждать бурю, поправить здоровье, зарядиться оптимизмом.

Увы, не всем дано увидеть и понять истину.

Ниночка стала об этом задумываться, когда раз за разом срывались её романтические надежды.

А они были. Ведь ей всего двадцать пять, она ещё замеча-

тельно выглядит. Вот только сын.

Зачем она его родила, какой в этом был резон? Теперь она и не припомнит, на что рассчитывала.

Любовники менялись как перчатки. Редко кто задерживался на сколько-нибудь продолжительный срок.

Ребёнок мешал развлекаться с потенциальными сожителями, налаживать серьёзные контакты, со вкусом проводить время. Он вечно крутился рядом, мешал постельным утехам, разрушал надежды и планы.

Всё чаще приходилось выгонять сына на кухню.

Со временем он к этому привык, устроил под кухонным столом игровую зону, залезал туда сразу, как только мужчины начинали обнимать мамку, тискать её и тащить в спальню.

Иногда у Семы возникали вопросы или всплывали неотложные детские нужды, требующие немедленного решения. Он бежал за помощью к мамке, но оказывался в спальне в самый неудобный для неё момент, когда очередной папа, пытая и обливаясь потом, забивал очередную сваю в её ненасытное интимное чрево, или разлохмаченная, но увлечённая

процессом извлечения счастья мама голышом скакала верхом на раздетом дядьке.

Это бесило.

Иногда застигнутая врасплох на грани подступающего оргазма Ниночка вскакивала, потная, обнажённая, злая, начинала орать на ребёнка, отвечивала ему звонкую затрещину, затем выгоняла пинками в кухню под стол.

После очередного подобного инцидента неудачливый мужчина нехотя доделывал начатый процесс, и уходил не прощавшись.

Она ревела, обнимала сына, просила у него прощения и оправдывалась, обещая ему, что больше никогда...

Конечно врал.

Вскоре появлялся следующий одноразовый папа. Сцена экзекуции сына повторялась раз за разом, превращаясь в привычку, в обыденность.

Сёма, получая очередной нагоняй, привыкал постепенно к подобному отношению и замыкался в себе.

Теперь он не врывался неожиданно, но иногда тихонько наблюдал за интимными скачками в проём двери, находя в этом занятии определённый интерес.

Позже он увлечённо рассказывал об этом в подробностях друзьям на улице.

Наивные мальчишки ему завидовали.

Им такое зрелище и не снилось.

Они с интересом пересказывали своим друзьям каждый новый эпизод. Вскоре послушать Сёмины рассказы о мамкиных интимных приключениях стали приходить ребята постарше. Они одобрительно хлопали его по плечу, давали закурить или глоток пива.

В девять лет Сёма был в компании почти взрослых парней в доску свой.

Одиночество Ниночку томило.

Несмотря на обилие желающих с ней переспать, настроение всё чаще скатывалось в беспросветно-тёмную, мрачную зону. Ниночка впадала в депрессию, укладывалась на диван, предварительно приняв пару-тройку таблеток транквилиза-

тора, щедро запив их водкой и накурившись до одури.

Лечение помогало, но временно. После него приходилось добавлять, позднее увеличивать дозу. Сёмка совсем отбился от рук.

Курит, дерзит, не слушается, убегает из дома.

– Чего добилаась? Не жилось мне при мужике, – рассуждала под кайфом Ниночка, – Витька ведь был совсем необременительным: дала пару раз в неделю, пожрать стоговила, постирала в машинке... Дел-то...

– А, да что говорить! Зато, какие мужики за мной ухлёстывали. Правда, без обязательств.

Семейный статус давал гарантию безопасного секса, на Нинку тогда клевали и пескари, и щуки. Теперь опасаются.

Да, у неё теперь та ещё репутация. Как не скрывай – шила в мешке не утаишь: многие знают, что Нинка – давалка. Соседи пальцем показывают, сын, засранец, открытым текстом, не намекает даже, утверждает, в морду обидными словами тычет.

– Кто ему право дал, мамку осуждать, кто? Посмотрим,

как у самого жизнь сложится.

Неожиданно закончилась и такая, не очень приглядная стабильность. Недаром пессимист говорит, что хуже уже быть не может, а оптимист его успокаивает – может, может.

Перестройка нагрянула внезапно, перекроив наспех все планы и чаяния, внесла свои мрачные, катастрофические коррективы. Фабрику, где Ниночка работала, закрыли по причине финансовой неэффективности.

Работы не было, цены росли день ото дня. Люди бросились наперегонки выживать, в прямом и переносном смысле, эксплуатируя самые тёмные страсти, не брезгуя ничем.

Ниночка помыкалась в поисках работы, но безрезультатно. К тому времени всё, что можно было продать или обменять, иссякло. Грезился неминуемый голод.

И что делать?

Пришлось идти продавцом на рынок к ушедшему азербайджанцу. Тот взял, но с условием, что Ниночка будет не только торговать, но и обслуживать его сексуально. И предупредил, не дай бог, узнает, что у неё есть ещё мужчина – убьёт.

Сама, ни за что не согласилась бы, но у неё сын.

Устроилась на лоток.

Как же ей было обидно и противно. Секс сам по себе процесс привлекательный, даже сладкий, но когда вынуждают насильно, вся прелесть и очарование близости превращаются в полную противоположность.

Каждый раз после исполнения этой гадкой обязанности, а хозяин был очень изобретателен, не ограничивался традиционными способами, требовал разнообразия, порой извращённого, Ниночка напивалась и ревела.

Сёмка смотрел на неё исподлобья: не просто не одобрял – презирал.

А что она могла сделать? Был бы муж, тогда...

Сын вырослел. Дружки чуть не полным составом соблазнились воровской романтикой, выполняли для местных бандитов пикантные просьбы и поручения, попутно пристрастились к наркотикам и спиртному.

Сначала покуривали лёгкие наркотики: ловили кайф, путешествовали в пространстве и времени. Позже привыкли к

состоянию зыбкого блаженства, для чего пришлось увеличить дозу, потом и вовсе перешли на уколы.

Наркотики стоили дорого, но без них жить уже не получалось.

Парень пристрастился воровать, угонял машины. Участились кризисы и ломки.

Приходилось лечить сына: вытаскивать из депрессий, снижать зависимость, блокировать ломки.

Это стоило дорого.

Деньги занимала у хозяина, постепенно попав в глубокую долговую яму: того и гляди потребует возвратить.

Отдавать нечем, если только квартира.

И где тогда жить?

Выручала справляться со стрессом только водка. Пить приходилось самую дешёвую. Прежние депрессии казались детским лепетом в сравнении с нынешней безнадёгой.

Выкарабкалась. Нашла место на оптовом рынке.

Платили хорошо, но на прежних условиях: уболажать хо-
зяина.

Новый хозяин не только сам пользовался Ниночкой, но и
под друзей подкладывал, с нужными людьми рассчитывался
её телом.

Платил хорошо. Хватило на оплату долгов, на лечение сы-
на и на жизнь.

Квартира снова наполнилась мебелью и вещами. Холо-
дильник заполнен под завязку. Жизнь, казалось бы, налажи-
вается. А на душе кошки скребут.

Не таким она видела своё будущее, не такой доли искала.
Да и секс с кем попало опротивел, вызывал тошноту и рвоту.

Хотелось стабильности и простого человеческого счастья.

– Может Витьку найти, – думала она, – повиниться, назад
позвать? Чем чёрт не шутит. Любил же он меня. А вдруг?

Витьку кризис потрепал ещё круче. Он промышлял сда-
чей стеклотары и алюминиевых банок, бомжевал, пил в тём-
ную голову. На Ниночкины извинения отреагировал агрес-

сивно, – пошла вон, сука! Всю жизнь мне испортила.

Впрочем, она ни на что хорошее и не рассчитывала. Просто удачу пытала.

Прошное не вернуть.

Время стремительно бежит, приближая старость, всегда в одну сторону.

Жизнь всё же улыбнулась Ниночке, поманила призрачной иллюзией: Сёмаа женился.

Девочка у него – просто прелесть: цветочек аленький.

Невестка сразу забеременела, родила мальчика.

Внук, порадовал.

– Вот и закончилось моё неприкаянное одиночество, – обрадовалась женщина, – теперь, скучно не будет.

Невестка поселилась у Ниночки. Дом наполнился семейными запахами и звуками.

Хорошо.

Недолго длилось счастье: Сёма опять сел на уколы, вернулся к угону автомобилей, начал таскать из дома вещи, однажды даже избил жену.

Не сильно, но разве этот имеет значение? Девочка ушла к родителям, забрала с собой внука.

Всё повторилось по кругу. Опять ломки, капельницы, долги, депрессия.

– Когда же это всё закончится?

Жизнь сына завершилась внезапно: передозировка.

Спасти его было некому. Да и нужно ли? Разве это жизнь, когда день и ночь ждёшь беды?

Похоронили.

Невестка так не давала встречаться с внуком.

Время безжалостно обошлось с внешностью женщины, превратив некогда привлекательное, тугое тело, в подобие студня. Алкоголь раскрасил лицо выразительно-синим макияжем, который ни с чем иным не спутаешь. Оптовик, видя

неприглядные перемены, выгнал её с работы: одно к одному.

Даже подруги, с которыми она коротала одинокие вечера, перестали её привечать. Лишь водка давала освобождение и отдых брэнному телу, но её еще нужно на что-то купить.

Ниночка начала пить суррогаты в компании таких же неприкаянных, опустившихся тётток, как и сама.

Кто его знает, из чего делают эту пьянящую гадость, только у Нины внезапно поехала крыша.

Она стала забываться, иногда в поисках опохмелки выходила на улицу голышом и шлёпала, шлёпала без разницы куда, пока не потеряется. Когда приходила в себя, захлёбывалась от ужаса, забивалась под какой-нибудь куст и ждала наступления ночи.

Потом с трудом находила свою квартиру, которая оказывалась открытой настежь.

Однажды её обчистили, вынесли из дома практически всё имущество.

Основательно разложившееся тело Ниночки обнаружили только по запаху.

Похоронили Ниночку муниципальные службы в безымянной могиле.

Никому не было до её безвременной кончины дела.

Как и ей было плевать на всех в то время, когда можно было посеять совсем другие семена.

Эгоист никогда никого не жалеет, пробивается к желанной цели напролом. Ему невдомёк, что жизнь не только одаривает, но и наказывает. За всё приходится платить изгибами собственной судьбы.

А как же тогда Вера Егоровна, почему её жизнь пощадила, отказавшись от права судить и наказывать?

Да разве она эгоистка?

Вокруг этой удивительной и странной женщины всем жилось хорошо и вольготно. Она была добрым, щедрым и ответственным человеком. Даже порочная страсть, присвоенное ей единолично право налево, никому не приносила страданий и горя.

Недаром она призывала дочерей любить семью и никогда

ей не изменять.

Странная штука судьба, но, как ни крути, она рукотворна.

Не все девушки ангелы

Прохладное, слегка ветреное утро начала августа было обворожительно красивым.

На небосклоне с южной стороны довольно низко над горизонтом холодно, но ярко светила луна, чистая и ясная, с отчётливо различимым рисунком тёмных пятен, словно вымыли её по причине полнолуния.

Дорогу с шумом пересекла пара тяжёлых уток. В ветвях придорожных деревьев робко началась перекличка пернатого населения. Неспешно переползал полотно шоссе завершивший охотничью смену ёж.

С востока светлело, правда, сегодня без рассветного фейерверка, бесцветно, почти незаметно.

Вот уже скоро три часа кряду мчится на велосипеде Егорка Воронин с полной выкладкой, не сбавляя темпа даже в гору. Отмахал уже кругов двадцать, ни разу не замедлив движение.

Шуршат по сухому асфальту разогретые шины, мерно вздымается грудная клетка юноши, выбрасывая раскалённое

дыхание. Одежда его промокла насквозь, пот застилает и жжёт глаза. От избытка кислорода в крови кружится голова, даже слегка подташнивает.

Никак не удаётся парню остудить закипающий мозг, успокоить растревоженную неожиданным знанием душу.

Не понимает Егор, что мозг – не мотор автомобиля, а кровеносная система не радиатор: сколько не гоняй по большому и малому кругу кровь, остудить мысли высверливающие рассудок невозможно.

Победить себя, если внутренний мир упорно сопротивляется, если не желает признавать реальность, нельзя никакими нагрузками. Пора бы остановиться и принять взвешенное решение.

А оно ускользает, подсовывая возбуждённому уму новые и новые доводы, которые тоже моментально опровергаются по причине несостоятельности или оттого, что не соотносятся с эмоциями и чувствами.

Первый раз в жизни приходится Егору принимать самостоятельное, по-настоящему взрослое решение. Жизнь на поверку оказалась сложнее физики, химии и тригонометрии вместе взятых, тем более любое решение, принятое теперь,

окончательное и обжалованию не подлежит, поскольку в любом случае выносит безжалостный приговор.

Выбор сделал – провёл жирную черту, чётко разграничивающую жизнь на вчера и завтра, лишаящую возможности изменить что-либо в дальнейшем.

Любой вердикт – поступок. Дальше жизнь потечёт с учётом этого изменения, последствия которого непредсказуемы.

Уравнение, которое подсунула Егору судьба, не детская игра.

Кубик Рубика можно собрать за считанные секунды, просчитав в уме все последующие шаги, а в реальной жизни даже малые просчёты приводят к фатальным ошибкам, часто к необратимому крушению судьбы.

До этого момента всю ответственность за его жизнь брали на себя родители. Да они и сейчас не отказываются принимать судьбоносные решения, ведь ему только семнадцать лет.

Одиннадцатый класс ещё предстоит закончить. Потом институт или армия.

Пришло время принять бремя ударов и подарков судьбы на себя. Вот и маятся парень, не в силах разложить трагический пасьянс.

Всё было хорошо и предсказуемо, заранее распланировано, ожидаемо и прочно, пока не встретил Егор в местном автобусе удивительной выразительности взгляд обыкновенной девчонки.

Скорее всего, смотрела она не на Егора, но нечаянно заглянула прямо в душу, зацепила острым коготком натянутую созвучным волнением романтическую струну, издавшую при бестелесном прикосновении чистый звук, пленивший юношу пламенной лирической ноткой.

Зазвучала в груди у парня неведомая манящая мелодия.

Видно время любви пришло.

Конечно, Егор и прежде не раз чувствовал не очень понятное, но волнующее, трепетное и нежное состояние при виде девчонок, появляющееся ниоткуда.

Растекающееся по всему телу смятение, вносящее внутреннюю тревогу, дополненную истомой неведомого удовлетворения, нравилось ему, но обычно такое состояние бывало

мимолётным: оно быстро ускользало, растворялось или таяло в суете обыденной повседневности.

Давно уже с интересом, стараясь не показывать вида и не выдать себя, рассматривает юноша с интересом девчоночьи округлые формы, испытывая от этого сладостный восторг и приятное возбуждение.

Егор уже научился сравнивать поведение и внешность девочек, даже создал в уме картотеку того, что нравится и нет.

Увидев лицо незнакомки, поразившей его глубиной и яркостью огромного размера зелёных глаз и редким, огненным цветом ярких волос, словно и непричёсанных вовсе, а растущих сами по себе, как придётся, Егор вздрогнул.

Упавший на её голову сквозь оконное стекло солнечный луч, словно фонарик зажёл на голове костёр, цветом напоминающий закатное солнце, когда оно кажется огромным, горячим и ярким. Про такое говорят – солнце мается.

Милый, слегка вздёрнутый носик-пуговка, толпа поцелуев солнца, столпившихся на щеках, словно грибы-лисички под корнями берёзы выглядели удивительно милыми.

Егор загляделся.

Юноша невольно отметил приветливый взгляд девочки, не вызывающий сомнения, что она родилась счастливой.

Лебяжья шея с гордо вскинутой аккуратной головкой, белоснежная кожа, мягкие, чуть темнее волос, пушистые ресницы, сочные перламутровые губки.

Девушка была неожиданной как весна и горячей, словно само лето.

Совсем не удивительно, ведь это происходило именно в жаркий солнечный день.

– Что, если она дочь самого Солнца, – зарыв рот ладонями и покраснев до кончиков волос подумал Егор.

От удивления и странных мыслей он раскрыл рот и впился в незнакомку любопытным взглядом. Ему показалось, что улыбается она именно ему. Улыбается и зовёт...

– Как? Как с ней познакомиться, – спрашивал себя мальчишка, – ведь я никогда в жизни не подходил к девочкам вот так запросто.

Мальчишка никогда прежде не замечал за собой предпо-

чтения к рыжим, осыпанным веснушками девчонкам. Они казались непривлекательными. Помнится, он даже дразнил одну свою одноклассницу за яркие отметины на её коже и цвет волос.

Но это было до...

Да-да, до неё, до этой зеленоглазой солнечной феи.

Эта девочка совсем не такая. Она словно сказочная принцесса в красной короне, которая ей очень к лицу.

Пусть она не красавица...

Нет, не так... Она лучше и интереснее девушек с обложек журналов, непонятно как создающих свою искусственную внешность.

Она живая, настоящая. Именно такую Егорка не раз видел в своих грёзах, правда совсем не предполагал, что реальность окажется выразительнее и ярче, чем мечта.

Он уже проехал свою остановку, но, не отрываясь, глядел, как естественно и просто девочка двигается в самой гуще толпы, словно не замечая тесноты.

Так хочется разглядеть её целиком: походку, фигуру... всё.

Девочка сошла через две остановки от его дома.

Зачарованный юноша незаметно последовал за ней, так и не решаясь подойти и представиться. В его фантазиях они давно уже стали друзьями, более того, вели диалог, отвечали на вопросы и рассказывали обо всём на свете.

Девушка жила совсем близко, всего в двух кварталах от его квартиры, чуть больше десяти минут пешком.

Солнышко, так ласково он назвал незнакомку про себя, не оборачиваясь, зашла в подъезд, щёлкнув кодовым замком. Егор присел на скамейку у соседнего подъезда и приготовился ждать хоть до вечера. Вдруг, выйдет?

За это время он постарается успокоиться и обязательно придумает, как заявить о своём интересе. Не может Егор взять и потерять то, что неожиданно стало смыслом жизни.

– Нужно быть решительней, – уговаривал юноша себя, – мужчина я или нет?

Вскоре от бабушек на лавочках у подъездов Егор знал, что

зовут незнакомку Вероника, немного позже она выкатила во двор инвалидную коляску, в которой сидел мальчик лет двенадцати с застывшей мимикой лица и неловкими угловатыми движениями.

Юноша отвернул лицо, чтобы девушка его не узнала, пока Вероника катила каталку в сторону детской площадки. Мальчик жестикулировал, что-то неразборчиво лепетал, временами агукал как младенец. Разобрать его речь было сложно.

Егор наблюдал издалека, но так и не решился приблизиться. Корил себя за это, однако преодолеть растерянность и робость не смог. Да и сама ситуация не располагала к романтическому свиданию.

На глаза Егора при виде нежности, с которой Вероника ухаживала за инвалидом в каталке, наворачивались слёзы.

Юноша дождался, пока Вероника скроется в подъезде и пошёл домой, чувствуя себя последним трусом.

– Чего я так испугался? Её или той реальности, в которой живёт эта милая девочка? Почему мне стало страшно при виде беспомощного мальчишки, который никогда не станет самостоятельным?

Первый раз дома он не включил музыку и телевизор, не стал никому названивать, не открыл книгу. Даже обедал через силу.

Егора по-настоящему корёжила беспричинная паника.

Некоторое время мысли скакали между мальчиком-инвалидом и лицом Вероники, второе оказалось сильнее.

Егор сосредоточился на походке и силуэте девушки, которая оказалась ниже, чем представлялось в автобусе, но стройнее и интереснее. Такую красивую походку, с прямой спиной и гордо сидящей головой, среди одноклассниц он никогда не видел.

Вероника была приблизительно его возраста, но выглядела старше. Она уверенно превращалась из девочки в девушку. Фигура её уже приобрела плавность и округлость, классический гитарный силуэт, заметно выдающуюся грудь, упруго подпрыгивающую при ходьбе.

Все, что Егору сейчас хотелось – видеть её, ещё лучше услышать голос, быть рядом.

Теперь инвалидная коляска уже не казалась ужасной. Егор

вполне мог бы катать её вместе с Вероникой. Лишь бы быть рядом.

– Какие у нее удивительные глаза, – восхищался юноша, – бездонный омут. Нет, скорее они похожи на океан, где-то там, на далёком Таити: глубокие, прозрачные, тёплые, зелёные-презелёные, и такие ласковые.

Эпитетов для внешности девочки находилось всё больше, но храбрости это не прибавляло.

Егор страдал, мечтал и упивался своим негодованием, убеждая себя, что это и есть самая настоящая любовь.

Каждый день как на работу он отправляется к подъезду, из которого в одно и то же время выходила Вероника с коляской, бродил за ней незаметной тенью, наслаждался близостью на расстоянии и мучился неопределенностью от недосягаемости предмета преклонения.

Девушка наверняка знала о его присутствии, слишком уж ловко она исчезала, если Егор пытался проследить маршрут её перемещений после прогулок с братом.

Теперь он наверняка знал то, что у неё есть тайна, иначе, зачем Веронике прятаться?

Ещё Егору сообщили, что у Вероники нет отца, что мама смертельно больна. Во всяком случае, никто не видел её после Нового года.

– Как же она живет, на что, чем занимается и почему постоянно от меня убегает?

Два месяца Егор следовал за Вероникой тенью, изучил за каждый жест, знает наизусть весь гардероб девушки.

– Сегодня, сейчас, – решил Егор познакомиться, – или никогда.

Мальчишка выпил для храбрости две бутылки пива и подошёл к Веронике, катающей брата.

– Извините, девушка, меня зовут Егор и я очень-очень...

– Не продолжай, пожалуйста, Егор. Не испытывай моё терпение. Я давно за тобой наблюдаю. Очень хорошо, что ты такой нерешительный, иначе у меня могло появиться много проблем. Нам не нужно знакомиться и встречаться тоже не нужно. Найди более подходящий объект. Вон сколько вокруг прекрасных девчонок. Хочешь, я тебя с кем-нибудь познакомлю? Вот хотя бы с Олесей. Видишь, в нашу сторону

идёт шикарная брюнетка? Кстати, она спрашивала про тебя. Я сказала, что мы незнакомы. Ты ей явно понравился. Ну же, не молчи. Олеся смотрит на нас. Одно твоё слово и она станет твоей подружкой.

– Мне не нужна Олеся, я люблю тебя, – Егор выдавил из себя эту фразу, покраснел, начал ковырять ботинком землю, потупив взгляд.

– Даже так, сразу про любовь? Не смеди: так не бывает, тем более, что ты ещё совсем ребёнок.

– Разве ты старше, Вероника?

– Не по возрасту, нет. Моя ненадёжная жизнь от твоей, беззаботной отличается, даже не представляешь насколько. Я самостоятельный человек, ты – иждивенец. У меня на руках мама и брат. Мне некогда играть в любовь. Это занятие для людей обеспеченных, а я убогая нищенка.

– Это неправда. Ты хорошо одета, ты офигенно выглядишь, ты красавица. Зачем на себя наговаривать?

– Я уже два года не хожу в школу: некогда. У меня никогда не было папы, мама умирает от рака, брат инвалид. Кроме меня зарабатывать на жизнь некому. Кажется, всё объяс-

нила? Ну, так что насчёт Олеси? Бери, не пожалеешь. У неё родители – номенклатурные чиновники, несмотря на это она девушка скромная. Замечательный выбор.

– Нет!

– Ну и глупо. Со мной тебе нет резона знакомиться, ты ничего про меня не знаешь. Прощай, не ищи встреч. Надеюсь, мы больше не увидимся.

Такого оборота событий Егор никак не мог ожидать. Конечно, он обиделся.

Досаду и уязвлённое самолюбие мальчишка решил лечить алкоголем.

Пиво было тёплое и совсем не вкусное, но полегчало, почти сразу.

– Наверно так и положено порядочным девушкам отшивать незнакомцев. Кто я для Вероники? Обыкновенный прохожий, не более того.

Между тем пиво не только улучшило самочувствие, но и лишило способности свободно передвигаться. Домой парень пришёл здорово навеселе. Отец был дома. Он покачал голо-

вой, помог Егору умыться и положил спать.

Сына не ругали.

Папка сказал, – добро пожаловать в мир взрослых: решать проблемы, выкручиваться из неприятностей, делать выбор и нести ответственность, это то, что отличает мужчину от мальчика. Верю и надеюсь – ты справишься. Если могу помочь – обращайся. Я ведь тоже не так давно был мальчишкой. Ещё не забыл.

От помощи отца Егор отказался. Он твёрдо решил не отступать. Но для начала нужно знать причину – почему Вероника не хочет с ним знаться?

Юноша взял велосипед, попросил у папки армейский бинокль и приступил к осуществлению своего плана.

О последствиях думать не хотелось: было огромное желание растопить лёд в отношениях, доказать, что он не ребёнок, что тоже может быть настойчивым и непреклонным.

Видно и правда мальчишка влюбился, если не отпускает его воспалённую эмоциональность, не исчезают и не растворяются в пространстве и времени пламенные чувства.

Следить Егор начал издалека, с того момента, как закончилась прогулка девушки с братом.

Убедившись, что Егора в обозримом пространстве нет, Вероника выбежала из подъезда с маленьким ярким рюкзачком за плечами, с которого на шнурке свисал маленький белый медвежонок или мышка.

Разглядеть подробнее было сложно.

Вероника была одета в коротенькое цветастое платьишко на тоненьких бретельках с лифом, подчёркивающим наличие довольно развитой груди, какие носят тинейджеры, едва прикрывавшее завышенным подолом трусики, отчего её ноги казались необычно длинными. На ногах туфельки в цвет волос на высоком каблучке.

В такой одежде девочка смотрелась слишком сексуально для её возраста.

Волосы Вероники аккуратно заплетены в две косички, кокетливо торчащие в стороны, глаза и губы ярко накрашены.

Девочка постоянно оглядывалась, хотя Егора не видела, явно чувствовала себя не очень спокойно.

Дальше она поехала на маршрутке.

Егор чуть не упустил Веронику, благо движение в городе было затруднено пробками.

Вылезла Вероника метров за двести до светофора, в лесополосе, и сразу принялась голосовать.

Спустя несколько минут на её кокетливо поднятую руку остановился крутой автомобиль. Окно внедорожника открылось. Между водителем и Вероникой происходило оживлённое общение.

Пассажир энергично жестикулировал высунутой в окно рукой, девушка качала головой, то протестуя, то соглашаясь, иногда поворачивалась к нему спиной, словно соблазняла.

Спустя пару минут из джипа удовлетворённо потирая руки, показывая большим пальцем над сжатым кулаком удовлетворение, вылез мужчина в возрасте, уверенно, даже нагло, пощупал грудь Вероники, хлопнул её по заду, открыл заднюю дверь и бесцеремонно запихал её туда.

Егор, конечно, парень наивный, но совсем не дурак: время интернета, информация бьёт ключом.

Что произошло только что на его глазах, догадался сразу, только поверить не мог.

Егор лёг в лесополосе прямо на траву и ревел до спазмов в горле, до икоты.

Минут через сорок тот же автомобиль доставил Веронику обратно. Папик поцеловал девочку, сунул в руку несколько крупных купюр и уехал.

Егор хотел было выйти, но следом остановился другой водитель, диалог с которым уложился в несколько секунд.

Следить дальше Егору сразу расхотелось. Всё было предельно ясно: вероника промышляла телом.

Состояние у парня было хуже, чем с похмелья: чугунная голова, застывшие мысли, плаксивость, желание провалиться-ся сквозь землю.

Домой Егор отправился пешком, велосипед катил рядом.

Мыслей – ноль, пелена перед глазами, отвращение и брезгливость к Веронике, унижительная жалость к себе, смешанная с желанием наказать, отомстить.

Дома Егор сразу улёгся в кровать лицом к стенке. Ужинать отказался.

Вероника больше не казалась ему феей: она, безусловно, была омерзительна, безнравственна, уродлива и безобразна.

Немного позже, сначала родители шептались, пришёл отец. Обнимал, гладил по голове, кашлял в кулак, кхыкал.

– Вижу, сын, не справился ты сам со своей проблемой. Давай вместе подумаем как да чего. Один ум хорошо, а два лучше. Вдруг чего присоветую? Все-таки жизнь прожил, много чего испытал, сколько всего повидал на своем веку. Что случилось-то, сын? Поверь, нет в жизни неразрешимых проблем, иначе и самой жизни давно бы не стало.

Егорка расслабился, безвольно обмяк, снова пустил слезу. Когда немного успокоился, рассказал всё как есть, без утайки.

Ему была почти безразлична Вероника, её судьба, зато щемило сердце невыносимое страдание за обманутую любовь, за преданные чувства, за себя любимого.

– Понимаешь, сын: рождается человек сам, без чьей-либо

помощи, и заканчивает свой срок на земле точно так же. А в промежутке, который и есть сама жизнь, каждую секунду выбирать вынужден, тоже самостоятельно.

Решение твоё. Каким бы оно не было, никто на свете отменить не в силах. Как решил, с того и начал следующий шаг. Правильного выбора не бывает, потому что неизвестно, куда судьба могла повернуть, поступи ты иначе. Вариантов, как поступить, миллион, все как один случайные: попробуй – выбери правильно.

Слишком мало мы живём, сынок, чтобы несколько раз повторять одни и те же ошибки. Каждый раз приходится исправлять то, что уже совершили. Каждый раз!

Улавливаешь, о чём говорю?

Какое бы ты не принял решение, оно твоё. Значит, отвечать тоже самостоятельно придётся: личной судьбой.

Изменить ничего нельзя – поздно, а подправить можно на любом этапе. Слегка, немножко. Но текучка, обыденность, особенно развернуться не дадут. Обычно мы себя завтраками кормим, позднее обещаем исправить ошибки.

Так и жизнь проходит.

Нельзя, мой мальчик, жить иллюзиями, что сегодня пишешь черновик. Это бред. Живём однажды, сразу набело. Сделал что-то – словно сварным швом прилепил. Сразу на-мертво.

Я ведь тоже всю жизнь сомневаюсь, так ли сделал. Часто возвращаюсь мыслью обратно и переделываю. Чепуха это. Сын! Как получилось – уже твоё. Мечтать можно, даже полезно. Голову морочить не советую.

Никому. Ей, девочке своей, тоже.

Оступиться может каждый. Хотя, в чём её вина? В том, что отца нет, что мать умирает, что брат инвалид? Разве это её выбор, её личное решение? Это брат жизнь. Да – жестокая правда, да – беспощадная, но другой у нас нет, и не будет. Так-то! Так что советов не жди. Нет их у меня. Думай. Я с тобой. Как решишь, так и правильно станет.

А теперь поспи. Отвечать мне не нужно. И так много наговорила, аж язык устал.

В обычное время, когда Вероника с братом на прогулку вышла, пришёл Егор, рассчитывая на серьёзный разговор. Непонятно о чём, но желает он выяснить до конца отноше-

ния.

Какие?

Разве они успели сложиться, оформиться?

Много чего он до этого часа передумал. И так крутил, и этак. Ничего хорошего не выходит.

Может девушка лучше знает, что делать?

Егор, Егор! Опять ты пытаешься переложить на кого-то свою ответственность.

Разговор он заранее репетировал, только ничего по сценарию не вышло.

Как подошёл к Веронике, опять слезами умылся.

Степан, братишка её, руками замахал, кричит: видно боится, как бы чего не вышло.

Девушка его успокаивает, – Егорка хороший. Он друг. Вот смотри, видишь, я его обнимаю. Посиди маленько один. Нам поговорить нужно. Мы быстро, ты даже соскучиться не успеешь.

Вытирая о рукав слёзы и сопли, – Почему, Вероника!?! Почему!?! Я ведь всё видел, как ты с ними ездила, всё понял. А как же я? Я-то как?

– Мне тебе и сказать нечего. Говорила же, держись от меня подальше. Ну, узнал правду, счастья прибавилось? Тото! Не нужно было этого делать. Я ведь тоже не каменная. Мне тоже любви хочется, жизни хорошей, достатка, счастья. Только не по судьбе.

Иное у меня на роду записано. Не ведаю, за чьи грехи жизнью горемычной расплачиваюсь, но иного мне не дано. Как я могу тебе сказать, почему отец нас бросил? Явно ведь моей вины в том быть не могло, если только самим фактом появления на свет его и создателя всего сущего разозлила. Так ведь и они постарались.

Не знаю я, почему мамка, несмотря на то, что ушёл, изменил и бросил с дитём, ещё и Степана от него прижила.

На что она надеялась? Батька тогда здорово на стакане сидел. Может, оттого и братишка хворает. Ну, что скажешь, может в этом моя вина?

Или в том, что мамка смертельно заболела?

Рак у неё в последней стадии. Дай бог до конца года промучается. А от государства помощи никакой.

Степану по инвалидности копейки платят, даже на хлеб не хватает, а мамку и вовсе бесплатно лечить не хотят. Такая к больным и сиротам щедрость.

Обезболивающие и вовсе отказываются выписывать, приходится у медсестёр контрабандой ампулы покупать.

Хочешь узнать, сколько они стоят?

А иначе мамка орёт от боли, не уснёшь.

А жалко—то её как. Мамка ведь.

За что ей всё это?

А ты спрашиваешь, почему.

Так карта легла. Хочешь — ложись, помирай, или выкарабкайся. Может, есть лучший выход, только я его не отыскала. Теперь поздно чего-то менять. Черта проведена, обратно не перешагнуть.

Мамка помрёт скоро. А братишка на мне останется до конца дней. Я его в детский дом не отдам: он слабый, чувствительный, не выживет там.

Один бог ведает, сколько ему лет жизни осталось.

Ладно, сколько есть – все наши.

Да я не в обиде. Свыклась с такой долей. Мне бы не мешали. Ты, например. Ну что пристал как банный лист, душу рвёшь? Отвали, а... Очень тебя прошу.

– Скажи, Вероника, что я могу для тебя сделать?

– Ты? Ничего не можешь. Я же говорила, что возраст у нас один, а прожила я намного дольше. Учись, живи. Я за тебя молиться буду. Впрочем, тебе же я нужна, правильно, как женщина?

С этим всё просто. Как старому другу скидку сделаю. За двадцать баксов сговоримся. Глядишь, у тебя любовь волной смоеет, а мне приварок. Да и спокойнее мне, если расстанусь не с любимым, а с клиентом. Как тебе такое предложение, осилишь двадцатку?

Шуршат по асфальту велосипедные шины, крутятся, опе-

режая взгляд серебристые спицы, мелькают километры пути...

Мышцы свело, в глазах двоится...

Вдохнул, а выдохнуть не выходит...

Такая брат жизнь, мать бы её растак. Нет нынче граждан, нет общества. Осталось исключительно население, где каждый сам по себе, где сирые и убогие оказались на обочине. За сто первый километр теперь не ссылают, разрешают патристично с голода или от боли освободить место под солнцем.

Первый мужчина

Лёгок, как случайная связь,

Ветер приласкал на бегу.

Я тебе ни в чём не клялась,

И винить себя не могу.

Скоро будет Яблочный Спас.

Слёзы отложу на потом.

Ты меня немножечко спас.

И тебе спасибо на том.

В опыте наметился сбой.

Сохнет на губах молоко.

Просто я играла с тобой

В женщину, с которой легко.

Елена Исаева

Как обычно это и бывает, неожиданно, совершенно случайно, познакомился Вадик с милой девушкой, настолько очаровательной, прехорошенькой, что дух захватило, и челюсть отвисла.

Еле отыскал мальчишка эту важную деталь, едва не выскочившую за пределы удивлённого столь замечательной находкой организма.

Понятно, что сначала он девушку увидел, а только потом начал знакомиться, но это не так важно, как сам факт наличия на планете такой замечательной юной особы, которая воплощала в себе все, представляете, все мечты и грёзы.

Видели бы вы её обаятельный кроткий взгляд, обворожительно застенчивую улыбку, кукольное личико, стройный стан, плавные танцующие движения.

Вадик стало не по себе. Он-то думал, что придумал такой совершенный, исполненный чарующей гармонии образ, вообразил, а оказалось, что нет. Вот же она, совсем не иллюзорная, настоящая девушка-мечта.

Лёгонькое платьице, можно сказать, что его вовсе не было, потому, что контровый свет делал материю полностью прозрачной, парило, слегка развивалось, лаская то, что предназначено было вовсе не ему, дразня вседозволенностью.

Платье соприкасалось шелковистой поверхностью с изящными линиями божественного тела, отчего захватывало дух.

Длинные волосы медового оттенка струились по плечам, стекали за спину, запускали совсем не деликатные щупальца в промежуток меж двух полушарий, послушных размеренному дыханию девушки, так волнующе колышущему эти волнующие холмики.

Ветерок шевелил воздушное шоу, облегающее тело, влекущее загадкой, раскрытой прозрачностью одежд лишь частично.

Вот подол платья бесстыдно метнулся между ног, ошутимо прикасаясь там, где секунду назад побывало вожделение юноши. Он позавидовал удачливости её наряда, которому посчастливилось ощутить живую плоть девушки.

Воображение несло дальше, открывало сантиметры неведомого, проникало в них дыханием и мыслями, будора-

жило странные ощущения, словно он уже там.

Представляете впечатление от внезапного появления чего-либо необычного, потрясающего своими необыкновенными свойствами?

Вадима заинтриговало, впечатлило, обрадовало и испугало одновременно это изумительное видение.

Вопросы, да нет же, впечатления, многократно усиленные воображением, сбили дыхание, расплавили мысли, вскипятили кровь.

До сих пор его отношения с девушками укладывались в трафарет уже полученного, можно сказать целомудренного опыта. То, насколько далеко проникали галлюцинации и фантазии, не имело под собой никакой реальной подоплёки.

Было дело, целовался Вадик однажды с одноклассницей: она сама напросилась, можно сказать была инициатором. Но это так, несерьёзно, просто любопытство, не более того. Продолжения не было, хотя портфель по классике жанра он носил и домой её провожал.

Мальчишка всю жизнь искал подобное неземное создание. Вот же оно. Нужно только подойти и познакомиться.

Мечта между тем проплывала мимо, качая узенькими бёдрами и волнующей грудью.

Полупрозрачный силуэт, мимоходом брошенный приветливый взгляд, загадочная улыбка, желание разгадать причину привлекательности и магнетизма незнакомки настолько озадачили, что лишили Вадика обычного в таких случаях страха.

Разве может так свободно, раскованно и плавно двигаться девушка, если она не ангел?

Собственно, Вадик толком и понять не в силах, что именно берedit сейчас его воображение, отчего ему фантастически приятно смотреть на это очаровательное видение.

Сознание и кровь толчками пробивали защиту наивной невинности, заставляли фантазии рисовать заманчивые романтические эскизы, отсылающие воображение путешествовать вглубь неведомого континента, открывать волнующие детали, которые вызывали неосознанное томление и желание познать его суть.

А что там, под порхающими крылышками воздушной ткани?

Вадику хотелось обернуться невидимкой, чтобы ощутить теплоту скрытой под покровами лёгких одежд тайны. Ему грезилось, что эта ткань существует лишь затем, чтобы дать понять, для кого и для чего эти сокровища спрятаны.

Вадик сжал в кулак всю свою стыдливость: ведь упорхнёт!

Лётные качества её характера колыхались не только тканью: аккуратные малюсенькие груди упругой рябью намекали на реальность телесности, а подпрыгивающий от движения подол платья звал заглянуть под свои пределы.

Вадик решился подойти.

Впервые в жизни.

Заикаясь, краснея, вибрируя от неуверенности и робости всем телом, он представился.

Девушка нисколько не удивилась, просто протянула с улыбкой руку, щурясь от бьющего в глаза солнца, – Гульнара.

А с виду ничего восточного в ней нет.

Оказалось, её дедушка – узбек. Но от него Гульнаре до-

стались только чёрные брови и тёмные глаза.

Через десять минут Вадику показалось, что знаком с престелницей всю жизнь, настолько легко с ней было общаться. Они мило ворковали, перебивая друг друга, даже спорили о чём-то совсем незначительном, что вызывало умиление и восторг.

Они гуляли по берегу пруда, потом смотрели кинокомедию, пили кофе, ели мороженое, сидели на скамейке, соприкасаясь плечами и бёдрами.

Вадик держал Гульнару за руку, чувствовал приятное покалывание от прикосновения, вдыхал ароматное облако её манящего запаха, чувствовал странно волнующее тепло, проникающее в глубину души.

Юноша настолько сосредоточился на объекте вожделения, что не замечал ничего иного.

Свидание казалось бесконечным праздником, но закончилось внезапно.

– Мне пора.

– Мы ещё встретимся?

– Извини, Вадим, у меня есть любимый.

– Тогда зачем ты со мной гуляла, знакомилась, я ведь не просто представил себе будущее, я ощутил его каждой клеточкой своего тела?

– Так бывает. Мне необходимо было понять, смогу ли я изменить своему избраннику.

– И... я тебя вдохновил? А давай, измени, почему нет? Ведь я понравился тебе, правда?

– И да, и нет...

– Он лучше?

– Это не важно. Во всяком случае, для тебя. Мы были с ним близки, с тобой – нет. И ещё, всё дело в том, что мы поссорились. Он меня обидел. Сильно обидел. Только об этом я говорить не хочу.

– Разве это преграда? Попробуй, сравни, – Вадик ошалел от своей смелости.

– Если бы ты знал, как мне этого хочется. Ты хороший

мальчишка. Но я поклялась быть верной, обещала любить. Мама научила меня никогда не нарушать зарок. Не могу предать себя.

– Ты его любишь?

– Не знаю. Иногда кажется – да. А сейчас... Я отдала ему... Извини. Зачем тебе это знать? Ты замечательный. Мне с тобой было хорошо, но продолжения не будет.

– Не пойму. Мы провели вместе несколько незабываемых часов. Неужели ты ничего не почувствовала? Я от тебя без ума. И что теперь?

– Ты мне тоже понравился. Генка какой-то непостоянный. Однажды он даже ударил меня. Но он мой первый мужчина. Тебе ведь неприятно знать, что я уже не девственница?

– Разве это имеет значение? Меня нисколько не касается, что происходило до меня. Ведь это совсем другая жизнь. Разве я могу судить действия человека, которого не знал? Это же бред.

– Все мужчины так говорят, когда хотят близости. А потом... впрочем, это только мои домыслы. Откуда мне знать, кто и что думает. Я и Генка, мы были предельно близки. А

потом он сказал, что я его обманула. Будто я была не девочка. Дурак!

– Зачем ты со мной пошла? Меня-то ты точно обманула.

– Я не хотела сделать тебе больно. Честно-честно. Думала заглушить обиду и только. Ты хороший.

– Докажи, что действительно так считаешь. Я тебя люблю! Честно-честно!

– Ваденька, милый, – девушка прильнула к нему всем телом.

Мальчишка ощутил биение её сердца, едва уловимый аромат перезревших фруктов, приторно-сладких. Он нежно, едва касаясь, дотронулся губами до её шеи, шелковистой, упругой и мягкой.

По телу Гульнары прокатилась волна, как от любого внезапного действия, но не откатилась, а накрыла парочку с головой.

Руки девочки обхватили его плечи, сжали, напряглись. Вадик ощутил упругость груди, трепетное дыхание, едва заметную дрожь.

Они стояли, застыв, слившиеся воедино, обмениваясь неведомой энергией и теплом прикосновения.

Долго-долго.

Вадику даже показалось, что девушка ему открылась, впустила на свою интимную территорию.

Голова его кружилась, путешествуя за пределами тела, а организм жил отдельно, осуществляя мечты и планы самостоятельно.

Где-то что-то наполнялось кровью, двигалось по заложенной в подсознание природной программе, запустив нескончаемую цепочку замечательных эмоций и чувств, называемых любовью.

Неведомая сила посылала красочные картинки прямо в мозг. Остановить или отсрочить этот процесс не представлялось возможным. Природа не упрасивает, она повелевает.

Какие мысли и чувства руководят в такие минуты сознанием – никому не ведомо. Да и нужно ли про то знать?

Чувства подстегнули эмоции, или это было нечто иное,

во всяком случае, парочка, не сговариваясь, проследовала в обнимку к Вадиму в квартиру.

Молча, лишь чувственно переглядываясь, ребята пили кофе, изучая глубины душ: пытались выведать друг у друга масштабы нахлынувшего на них девятого вала необъяснимого влечения.

Вадим пылал страстью, Гульнара отвечала взаимностью. Она уже не пыталась сопротивляться нахлынувшему вдруг возбуждению.

Оставалось преодолеть лишь несколько мгновений неловкости, чтобы раскрыть вечную тайну любви.

Конечно, это знакомство было авантюрой. Нельзя же, в самом деле, принимать за любовь инъекцию адреналина, заставляющую любого мужчину вставать в боевую стойку, а женщину следовать за его вожделием.

А если и этот возлюбленный завтра, когда случится ему поникнуть в алтарь порока, предъявит ему претензию на неверности?

Да, она сделала ошибку, поделившись девственностью с мужчиной, в котором не успела разобраться. Во всяком слу-

чае, это уже произошло. Если она ошибётся повторно, это ляжет камнем на способность любить. Так недолго докатиться до склонности отдаваться каждому, кто позовет.

Вадик безостановочно говорил, гладил её ладошку, другой рукой дотрагивался до голой коленки. Его желание выплескивалось наружу, наполняя пространство вокруг благоуханием страсти.

Гульнара это чувствовала: её молодой организм улавливал фимиам феромонов, запах и вкус которых витал в раскалённом возбуждением воздухе.

Терпеть больше не было сил. Она решилась.

– Приготовь постель. Я сполоснусь под душем.

Вадик бросился исполнять приказание.

Неужели это случится?

Ничто уже не могло остановить ход событий. Отныне и навсегда Гульнара принадлежала только ему.

Вадик уже мечтал о свадьбе.

Минут через десять девушка вышла из душа совершенно сухая. Было видно, что она даже не раздевалась.

– Извини, Вадик! Только что мне позвонил Гена, извинился, сказал, что не прав. Сейчас он за мной приедет. Прости. Так сложилось. Мне было с тобой хорошо.

– И ты ему всё расскажешь, что между нами было?

– А разве у нас что-то было?

– Даже если нет... У мужчин богатая фантазия. Я, например, успел побывать в тебе и с тобой раз десять. Не верю, что ты совсем бесчувственная. Наверняка твои трусики тоже намokли от желания. Ведь так? Мне очень жаль, что ты ничего не поняла. Я уже представил тебя своей женой. Твой этот, как его, Генка, предлагал тебе руку и сердце? Нет. Так я и думал.

– Извини, он мой первый мужчина.

Королева красоты

В танцевальном зале было тихо.

Нарядные девочки застенчиво жались по стеночкам, ожидая, когда же начнётся удивительный вечер, когда можно будет, не стесняясь, выплеснуть желание жить, двигаться, не опасаясь безжалостной людской молвы.

На таких вечеринках забывали про тормоза. Кое-кто даже с катушек слетал, танцуя твист, хали-гали, локо, свим и пони. Выплеснуть своё настроение, протест против серости будней и страсть можно было не стесняясь.

Танцующих изящно было мало, но это не имело никакого значения: крутись-вертись, двигайся в заразительном ритме как заблагорассудится, лишь бы тебе было весело и нравилось, как здорово умеешь пользоваться молодым гибким телом.

Танцы были окном в иной мир, где жизнь сверкала яркими красками. Здесь можно было реализовать романтические отношения к друзьям и подругам, продемонстрировать способность красиво двигаться, общаться, а главное – любить.

Сегодня здесь был почти весь посёлок. В воздухе витало волшебное напряжение, ожидание момента, когда можно будет скинуть оковы приличия, отчаянно повеселиться под модную музыку.

Все знали, что сигналом забыть о проблемах за этими стенами будет битловская песня “Girl”. Её всегда ставили для разогрева. Правда, под неё в самом начале никто не танцевал: выжидали, когда веселье начнут самые решительные и развязные танцоры.

Девочки с накрученными пружинками волосами, щедро облитые лаком, благоухающие одинаковыми духами, поправляли расклешённые платишки.

Решительные и дерзкие одёргивали мини юбки и плотно облегающие кофточки-лапша.

Обольстительные силуэты, начинающие приобретать манящие женственные формы, под которыми бессовестно проступали колокольчики груди с бутонами заманчивых вишеночек, от которых сложно было отвести взор, вызываясь смотреть на неподготовленных к таким откровениям парней.

Смазливые прелестницы шептались, краснели, делились желаниями, сомнениями и тайнами. Они грезили о любви и

счастье.

Мальчишки прихорашивались в туалете, наводили стрелочки на брюках-клёш, причёсывались одной расчёской на всех, откупоривали с трудом пронесённые бутылки Агдама и Кавказа: для разогрева и храбрости.

Танцы уже начались, но кавалеры никак не могли набрать-ся мужества, чтобы выйти в свет.

В центре зала кружились несколько пар прелестниц: девочки танцевали с девочками.

Так было всегда. Мальчишки в ту пору были довольно нерешительные.

Задорные песни следовали одна за другой, но ничего не происходило, пока ведущая не поставила Шизгару.

Зал взорвался энергией.

Мелькали руки и ноги, вертелись головы, плечи и бёдра. На лавочках и у стен не осталось почти никого. Мальчишки и девчонки вытворяли чёрт знает что, оглашая зал восторженными воплями.

Крутились одинаково энергично под любой пульсирующий ритм.

Дальше прыгали под Облади-облада, про которую шутили что это “песня О б**ди” и гоготали как ненормальные.

Единого стиля, слаженных движений и парных импровизаций не было, но это никого не волновало. Впрочем, для красивых исполнений и вычурных ритмов не хватало места.

Когда зазвучал новый шлягер голосом Магомаева, – “По переулкам бродит лето, солнце льётся прямо с крыш. В потоке солнечного света у киоска ты стоишь,” – Лёшка уверенно подошёл к Леночке, милой рыжеволосой малышке, которая в танцах не участвовала, за ней мальчик ухаживал вот уже четыре месяца, взял её за талию и повёл медленно.

На них оглядывались. Юля, подружка девушки, не смогла скрыть досаду: скуксилась, топнула ножкой и вышла из зала.

– Почему, ну почему привязался к ней этот Лёшка! Что он в ней нашёл и зачем ему нужна Леночка? Она же рыжая. Неужели он не видит, какая красивая я? Всё равно мой будет. Или ничей.

Запахавшиеся танцоры выходили курить, делились впе-

чатлениями. Быстрые танцы – не главное. Впереди фокстроты, танго и вальсы, когда можно будет обнимать, нежно ласкать, перешёптываться о чувствах и симпатиях, даже целоваться.

К Юле неожиданно привязалась мелодия Королевы красоты. “И я иду к тебе навстречу, и я несу тебе цветы, как единственной на свете королеве красоты! С тобою связан навеки я, ты жизнь и счастье. Любовь моя!”

Девочка даже всплакнула, так ей было обидно, что какой-то Лёшка симпатичен Леночке. Она размазала тщательно покрашенные тенями и тушью глаза, разозлилась, выскочила на улицу, но там было холодно и ветрено.

Приведя себя в порядок, успокоившись, Юля вошла в зал. Лёшка держал Леночку за руки, чего-то увлечённо шептал. Подружка смеялась, отводила взгляд в сторону.

В этот момент ведущая объявила белый танец под “Поющие гитары”.

“Говорят, что некрасиво, некрасиво, некрасиво отбивать девчонок у друзей своих...” – прочувствованно запели музыканты. Юля вздрогнула, неприязненно посмотрела на воркующую парочку, отважно направилась к ним и пригласила

Лёшку.

Юноша хотел было отказаться. Леночка умоляюще на него посмотрела, ласково и требовательно пожала руку, подталкивая тем самым не обижать лучшую подругу отказом.

Лёша делал попытки держаться на расстоянии, едва до-трагивался растопыренными пальцами до её осиной талии.

Девочка упорно сокращала дистанцию.

Уже к середине танца она тесно прижималась к телу партнёра, обхватив обеими руками его спину. Голова девушки покоилась на Лёшкином плече, щекотала завитушками чуть не до слёз его чувствительные ноздри.

Он чувствовал жар разгорячённого близостью Юлькиного тела, её бёдра, настойчиво проникающие ему между ног, упругие груди, упирающиеся в него сосками. Лёшку колотила предательская дрожь во всём теле от волнующей близости, хотя он этого не хотел, даже сопротивлялся нахлынувшим вдруг ощущениям.

Парню было некомфортно, он пытался отстраниться, еле дождался завершения танца. Слова песни впивались в мозг острыми иглами.

Он чувствовал себя предателем.

Лёша не понимал, что с ним происходит. Вон ведь стоит Леночка, его любимая. Почему он танцует не с ней, с Юлей?

Девушка торжествовала. Она наслаждалась тем впечатлением, которое произвела на мальчишку. Лёша трепетал в её руках, краснел, обливался потом.

Девушка заставила парня почувствовать, что готова ради него на многое, хотя не произнесла ни одного слова.

Диалог происходил на глубинном физиологическом уровне, задействовал древнейшие инстинкты, заставляющие сознание молчать.

Она вынудила Лёшку волноваться, замирать от прикосновений, поглощать всем телом прожигающий до глубин сознания жар, впитывать его, побуждала мечтать о греховном продолжении танца.

Зачем это делает, к чему так настойчиво подталкивает мальчишку, Юля не сознавала до конца. Скорее всего, это была элементарная ревность. Девушка не желала делить подругу ни с кем другим. Ради этого она готова была идти сколь

угодно далеко, даже...

Юля представила себе, как соблазняет Лёшку, как обнажается перед ним, как он страстно мнёт её груди, как сладко впивается в губы поцелуем, как...

Видения были настолько яркими, что она не увидела, как парочка вновь отправилась танцевать.

Это было невыносимо. Это было унижительно, противно и мерзко.

От Леночки Лёшка не отстранялся. Он ласково теребил её локоны губами, тёрся о щёки, дотрагивался до шеи, гладил спину и шептал, шептал что-то на ушко.

Девушка всхлипнула, пошла на выход, где курили мальчишки, попросила сигарету, хотя никогда ничего подлобно-го не делала.

Глубокая затяжка вызвала спазм в груди, шок. Юля закашлялась, задохнулась. Спустя несколько мгновений её вырвала, вывернуло внутренности наизнанку.

Мальчишки смеялись, больно колотили по спине, нагло щупали.

Небольшая истерика до колик в животе и болезненной икоты вернули сознание.

Юля решила действовать.

Лёшка как назло не отпускал Леночку, увлекал её танцевать, лишь только начинали звучать первые аккорды. Им было безразлично, медленная играет мелодия или быстрая. Парочка танцевала и танцевала. Им было явно хорошо вдвоём.

А Юленьке было плохо, очень плохо.

Она ненавидела и презирала ребят, так благоговейно и трепетно приникших друг к другу.

Лёшка то и дело прикасался к Ленкиному лицу губами, но рукам воли не давал.

– Вот чем я его возьму. Я чувствовала, как он замирает от вожделения. Мужчину нельзя победить голыми руками, но приручить, вложив в ладонь трепетную грудь и позволив пойти дальше, должно быть просто. Мне совсем не жалко своей девственности. Совсем. Пусть жрёт, скотина, но Леночка моя подруга. Я их всё равно разлучу, чего бы мне это не стоило.

Лёшка осторожничал, предупреждая Юлины действия: тащил Леночку в круг, стоило только ей посмотреть на него.

– Он боится, боится меня, значит, почувствовал неодолимую силу влечения. Как это здорово. Сегодня я его украду, как цыган ворует лошадь. Заставлю мять мою грудь, проникать в нежную плоть, выполнять прихоти и желания. Пусть мне будет противно, пусть будет больно: не важно. Главное, дать понять, что я сильнее, что его любовь ничто, что есть эмоции гораздо более сильные, чем сентиментальные романтические бредни. Я не дам разрушить нашу дружбу.

Пока парочка целовалась и миловалась, Юлька разрабатывала тактику и стратегию соблазнения. Всё было просто: заставить сначала проводить Леночку, остальное – дело техники: ловкость рук и никакого мошенничества. Ловля на живца.

– Неужели Ленкины губы слаще моих? Фигушки. Это мы ещё посмотрим.

Девушка ловко изображала оживлённость, радость и хорошее настроение.

Когда парочка прощалась, она сжимала кулачки и скри-

пела зубами. Леночка сама попросила, чтобы Лёшка её проводил.

Имитировать подвёрнутую ногу в валенках было сложно. Юля справилась.

Она как бы поскользнулась, упала навзничь, больно вывернула ногу в коленке, едва действительно её не повредив, закричала, пустила слезу.

Лёшке ничего не оставалось, как подхватить девушку на руки и нести.

Родители были в гостях у друзей в другом городе, должны остаться там на ночь.

Половина плана реализована успешно. Теперь пусть ухаживает, лечит. Он ведь мужчина, значит должен проникнуться состраданием, сопереживать.

Было смешно и весело, пока Лешка её нёс.

Юля намеренно ему мешала, создавала неудобства: висла на шее, пихала кудряшки в нос, прижималась щеками, носом. При этом она громко стонала и плакала, размазывая по его лицу слёзы.

От Лёшки веяло силой, терпкие ароматы его потного дела будили воображение. Юлька с закрытыми глазами представила, как всё должно произойти дальше.

Получалось восхитительно. Она сладко всхлипнула, вызвав где-то у себя внутри горячие потоки желания, чувственно прижалась к парню и уткнулась в шею.

– Ну, потерпи. Сейчас посмотрим ногу, напарим. Надеюсь ничего серьёзного. Тысячу раз у меня такое было. К утру пройдёт. Будешь как новенькая.

– Да, а если калекой останусь? Никто меня немощную, увечную, не полюбит, замуж не возьмёт.

– Какие твои годы, Юлька, ты же красавица, королева красоты, как в песне, – и даже сам я не заметил, как ты вошла в мои мечты. Ты милее всех на свете – королева красоты, – с чувством пропел он.

– Ты серьёзно? Я действительно тебе нравлюсь?

– Ещё бы! Ты прелесть Юлька. Завидую твоему будущему парню.

– Чё ему завидовать-то? Ты тоже мне нравишься.

– Но-но, я не о том! У меня Леночка – сама знаешь, я её люблю.

– Ага, а я королева без короля. Тебе это не кажется странным?

– Нисколечко. У каждой принцессы свой принц на белом коне и свои алые паруса.

– Ты в это веришь? Я – нет. Вот не вижу вокруг никаких принцев, одни осьминоги, у которых вместо души и ума щупальца для размножения.

– Юлька, ты несправедлива. Мальчишки тоже романтики. Я, например...

– Причём здесь ты? Лучше помоги раздеться, вдруг у меня перелом.

Юлька принялась стонать, срывая с себя верхнюю одежду. Когда дошло до тёплых рейтуз, задрала до пояса юбку, попросила их снять, чтобы осмотреть ногу.

Лёшка не представлял, что делать, как поступить. Вари-

антов избежать откровенного оголения подруги не было. Он начал стягивать с Юли штаны, закрыл глаза.

Ничего особенного не происходило, но сердце думало иначе: оно трепетало и выскакивало наружу, а кровь пульсировала, отдаваясь в самых потайных уголках тела.

Девушка закричала, заставив юношу открыть глаза, которые упёрлись в белоснежные трусики, тонкая ткань которых впивалась в некое ущелье между её ног.

Лёшка ничего не успел разглядеть, совсем ничего, так он себя убеждал, но руки тянулись потрогать именно то, чего он не увидел.

Как это произошло, почему и зачем, разве это важно, если у него была, то есть есть любимая?

Ему было хорошо и плохо одновременно. Руки ласкали нежную кожу Юли, которая обжигала, требовала идти дальше.

Думать не хотелось. Совсем.

Зачем?

Юля сбросила водолазку, под которой не было бюстгалтера, словно нечаянно, испытывая якобы боль.

Как и почему Лёшка начал примерять малюсенькие упругости к размеру ладоней, зачем полез целоваться, отчего захотелось взять в рот восставшие соски, как его руки стягивали трусики...

– Нет, нет, нет, – кричал юноша, когда они отвалились друг от друга, задыхаясь, – я люблю не тебя, Леночку.

– И люби себе на здоровье, но я её подруга, мне придётся рассказать Леночке, как ты меня насиловал.

– Что я делал?

– Тебе не понравилось? Мне показалось, что ты был счастлив. Королева красоты разрешила всё, это дорогого стоит. Но я тебя совсем не хтела.

– Ты не посмеешь ей рассказать.

– Не надейся. Готов на мне жениться?

– Дура! Я Леночку люблю.

– Забудь. Сегодня твоя ночь, когда всё можно, но Леночку ты предал. Я не неволила. Ты сам...

– Хочешь сказать...

– Да, любимый, хочу сказать, что ты был во мне несколько раз, много раз, и я расскажу об этом своей любимой подруге.

– Какая же ты дрянь.

– Лёшка, ты настоящий придурок. Объяснить почему? Всё просто: ты променял любовь на моё тело. Красивое тело, я знаю, но всего лишь тело. Леночка не для тебя, она никогда не простит измены, а я расскажу в красках, как и почему ты ей изменил.

– Зачем тебе это нужно, зачем?

– Не знаю. Честно, не понимаю зачем. Ты предатель. Знаешь, чего мне стоило показать, кто ты на самом деле? Никогда не догадаешься. Мне не было приятно, я не хотела тебя, я была девственна, мне было противно и больно. Просто пыталась показать – ты ничтожество.

– Доказала? Что теперь?

– Живи, как знаешь. Ты нам не подходишь, Леночке не подходишь.

– Откуда тебе знать, ты провокатор.

– Допустим. Разве это повод совать свои похотливые щупальца куда не просят?

– Ты меня соблазнила.

– Ты этого сам хотел. Мелкая, эгоистичная, циничная душонка, похотливый кобель. Сильный кобель.

– Врёшь!

– Думай, как знаешь. Лучше тебе больше не появляться. Леночке объясню, она поймёт.

– Хочешь сделать её несчастной?

– Не тешь себя иллюзиями. Могу предложить ещё один раунд переговоров. Я твоя, во всяком случае, в постели.

– Тварь! Какая же ты тварь.

– Пусть будет так. Это тебя не оправдывает. Согласен?

– Выходи за меня замуж.

– Ну, уж нет. Ты понял, что стал первым моим мужчиной?

– Как не понять, если кругом следы твоей девственности?

– Если я отказываюсь быть твоей невестой, значит что-то не так. Понимаешь, что именно?

– Бред. Я люблю Леночку.

– Возможно, но я тебе не верю. Только что ты любил меня, теперь утверждаешь, что Леночку. Кого больше? Думаю никого.

– А если мы договоримся?

– О чём?

– Ты будешь молчать, а я буду твой, когда захочешь.

– Торгуешься? Это радует. Значит я не ошиблась.

– Я расскажу всем, что спал с тобой.

– Замечательно! А я расскажу, что ты меня изнасиловал. Прямо сейчас пойду и напишу заявление.

– Тебе никто не поверит.

– Кроме Леночки. Ты её не достоин.

– Не тебе судить.

– Ошибаешься. Она моя подруга. Ты не справился с управлением, можешь гордиться тем, что откупорил девственницу. Это престижно.

– Почему, зачем ты меня подставила?

– Сама не знаю. Почувствовала что-то не то. Это интуиция.

Осколки

Туман. Передо мной дорога,

По ней привычно я бреду.

От будущего я не много,

Точнее – ничего не жду.

Георгий Иванов

Из каких кирпичиков складывается судьба, отчего она поначалу робкая, а впоследствии раскручивает обороты, набирая скорость, а после и вовсе несётся на всех парах, чаще всего в бездонную пропасть? Куда летит, почему? И ведь чем дальше, тем быстрее.

Бывает её уже не остановить. Нет пути назад. Только под откос или по прямой, причём строго по колее, которую сам же и смастерил. Когда начинается стремительное движение в бездонную пропасть, желания и чувства в расчёт не идут, исключительно обстоятельства.

А кто или что определяет наш выбор, когда жизнь задаёт

вопросы?

Чаще решения мы принимаем спонтанно: руководствуясь интуицией, случайными предпочтениями, из вредности, следуя за непредсказуемыми изгибами судьбы, иногда вообще вопреки всему.

На кого роптать, если сам не желаешь бороться и побеждать, взбираешься на случайно проплывающее мимо бревно, устраиваясь на нём с относительным комфортом, и плывёшь по течению, которое единолично определяет дальнейшее?

Дальше как карта ляжет...

Егор Петрович Михеев родом из поволжских крестьян, родился перед войной.

Сложное было время, однако молодость всегда находит повод для любви. Родители его по заведённой в тех местах традиции детишек имели полную хату, принимая пополнение ежегодно. Летом кормились с реки и огорода. Зимой по большей части голодали.

Дети в семье выживали не все.

Война забрала почти всех мужиков в деревне.

Пётр Ефимович, папка Евгения, ушёл на фронт в числе первых. Похоронку на него получили ещё до зимы.

Остались без кормильца, разом лишившись надежды на лучшее будущее.

Мамка, Анастасия Вениаминовна, как ни старалась прокормить голодную ораву, не смогла справиться с этой нелёгкой задачей.

Пришлось ребятишкам самим о себе позаботиться.

Егор был старший в семье, ему в ту пору было почти двенадцать, потому и пришлось взять на себя ответственность за всех, в том числе и за мамку.

Следующая по старшинству, сестрёнка Тая, на год младше Егорки, занялась хозяйством. Такое время было, исключительные обстоятельства не оставляли шанса на нормальное детство.

Взрослела ребятня, не успев до юности дозреть, ещё мальцами.

Анастасия Вениаминовна, изнурённая тяжёлым крестьян-

ским трудом и нескончаемыми родами, да ещё и мужа лишившись, впала в меланхолию, отчего начала сохнуть. Вскоре подхватила туберкулёз, умножив его разрушительную силу голодом.

Кашляла и харкала кровью до самой весны. Сначала гулко и сухо, затем многочасовыми приступами с вязкой, дурно пахнущей слизью.

Врачей в округе не было. Да и лечить было нечем. До лета мамка не дожила.

Пришлось возглавлять семью Егору Петровичу. Он остался за всех, став для остальных отцом и матерью. Сноровки и знаний к тому сроку он имел достаточно, в деревнях с малолетства дети включались в хозяйственные дела, а силёнок не доставало.

За зиму кроме мамки похоронили трёх малых сестрёнок и братика.

Кто пережил холод и голод первого года войны, приспособились, даже не болели впоследствии. Да и некогда было. Хозяйство, хоть и небольшое по крестьянским меркам держали: козы были, кролики, куры, огород, покос.

С ранней весны детвора собирала траву. Ели её, наравне с животинной домашней, сырой и варёной.

Егорка в колхозе подрабатывал. Тая в доме хозяйничала. Выжили.

К концу войны Егорка возмужал. Чтобы подчеркнуть возраст и статус, начал покуривать. Иногда позволял себе выпить самогона.

Малых не обижал, за отца был.

Бабы в деревне, да и домашние, величали его не иначе как Егор Петрович. Он и сам себя считал вполне взрослым, что подчёркивал поведением и поступками.

Победа стране далась ох как нелегко. Треть женщин на селе остались вдовыми, потеряв мужей, сыновей и женихов.

Егорка старался оказать посильную мужскую помощь всем нуждающимся, за что женское население было ему несказанно благодарно.

Свою признательность выражали по-всякому, в том числе и вполне взрослыми ласками, обучив мужичка нехитрым постельным премудростям.

Во вкус парень вошёл быстро, благо от желающих предложить во временное пользование своё тело отбоя не было.

Желания создавать семью имея на иждивении целую ораву ребятни у него не возникало.

Куда уж в малюсенькую хатёнку ещё бабу селить? Без того спят вповалку.

Конечно, всем вместе теплее, дров меньше уходит, но занят каждый сантиметр жилой площади.

Зато в гостях у тёплых духовитых молодок, согревшись предварительно толикой самогона, он чувствовал себя вполне комфортно: топтал и охаживал баб не хуже взрослого мужика.

Взрослел парень на глазах.

Семья, ребятня, были у него на первом месте.

Успевал Егорка следить за всем и за всеми.

Как только появилась возможность, отправил в город за грамотой старших, убеждая их, что знания в новых истори-

ческих условиях просто необходимы.

Первой отправилась учиться в техникум на фельдшера Таисия Петровна.

Обязанности в семье перераспределили, хотя к тому времени никого уже не нужно было заставлять следить за хозяйством. Напротив, каждый старался сделать больше и лучше, чтобы именно его похвалил Егор Петрович. Получив от него одобрение, ребята светились счастьем.

Письма от сестры приходили каждую неделю. По всему было понятно, что учёба ей даётся, а профессия нравится.

Следующему выпал черёд Евгению Петровичу. Его отправили поступать в Столицу.

– Пусть будет инженером, – решил Егор.

Собрали в дорогу, выдали денег на первое время. Волновались, даже очень.

Парень не подкачал, поступил. Дали место в общежитии.

Женька подвести семью был не в праве. Старался учиться достойно изо всех сил. Когда сокурсники бегали по кинош-

кам и танцам, он сидел над учебниками и конспектами.

Знания давались тяжело, видимо подсознательно тянуло парня к нелёгкой крестьянской жизни, но выбора ему никто не предоставил. Из деревни шли письма и оказии. Подкармливали, чем могли. Разве в праве он ответить ленью на такую заботу?

Только природа планы свои с каждым из нас не сверяет. Включает, не спросив, нужный для сохранения вида механизм и заставляет бежать в нужном направлении, раскручивает по выверенной миллионами лет спирали обкатанную на практике жизни программу, превращающую беззаботного ребёнка во взрослого человека несмотря ни на что.

Мало кому удаётся обойти стороной зов природы, предписывающий всему существу плодиться и размножаться, да и то с такими потерями жизненных соков и энергий, что впоследствии стареют, не догадываясь отчего.

Пришла пора и Евгению Петровичу испытать на себе силу, посылающую настойчивое требование бросить все ресурсы организма на продолжение рода.

Поначалу неведомая сила робко подталкивала, заставляя замирать при виде девичьих круглых коленок, заманчивых

изгибов тела, скрывающихся под загадочными покрывами одежды, потом видения и мысли одолевать начали.

Казалось бы, с сёстрами рос, всё видел, даже на ощупь знает, чем отличаются мальчики от девочек. За малышнёй приходилось следить и ему. Мыл девчонок, одевал, только ничего подобного никогда не испытывал, кроме обыкновенного любопытства, желания знать что и как.

И вдруг...

Наверно переутомился, знания добывая. Или от жизни городской умом тронулся.

Ну не нужно ему это всё: шуры-муры, ахи и вздохи.

Ребятня ждёт не дождётся, когда Женька выучится, работать начнёт, деньги присылать на жизнь будет. Не всё же ему одному за чужой счёт прохлаждаться, пора долги возвращать.

Таисия Петровна хоть и осталась в городе, а основную часть жалованья ребятам отправляет.

К тому времени из нескладного подростка Евгений Петрович превратился в видного мужичка с грудью молотобой-

ца и внушительного вида бицепсами.

Вкупе с густой шевелюрой, высоким открытым лбом, тёмными сверкающими нетерпеливым интересом к девчонкам глазами, его внешность вызывала немалый интерес у сокурсниц.

Девочки недоумевали: вокруг все с ума сходят от любви и интереса к представителям противоположного пола, а этот как камень. Даже слухи нелепые пошли, один другого чуднее.

То, что выглядит загадкой, видится посторонним интригой, как магнитом притягивая желание узнать тайну явления: не может такого быть, чтобы мужчина в его возрасте не интересовался девочками.

Больной?

Вроде нет. Бегает на лыжах, в футбол и баскетбол играет, штангу тягает, занятия никогда не пропускает.

Может невеста есть?

Тоже не очень похоже.

Девочки проверяли его почту, там вся корреспонденция под той же фамилией, что и у Женьки. Похоже, слишком застенчив парень, увалень, а это не лечится.

Ну и пусть себе страдает от неудовлетворённости. Каждому своё.

Претендентов на любовь и дружбу в институте навалом. Всегда найдётся с кем на танцы или в кино сходить.

Интерес у парня есть. И желание познакомиться поближе с некоторыми девочками, но ответственность перед семьёй не позволяет расслабиться.

А природу не обманешь. У неё свои методы воздействия на упрямцев. Порой такого накрутит, чтобы поразить здоровый до поры мозг неизлечимой романтической хворобой, что и не заметишь, как влип по уши.

Была на их курсе девушка: неприкаянная, робкая, стыдливая и скромная, походившая внешним видом на замученную голодом серую мышку. Никто её не замечал, в качестве подружки не рассматривал.

Кому интересна монашка, с которой и поговорить-то не о чем?

Зато Женьку так и подмывало с ней подружиться. Увидит – рдеет, как рябиновый куст в предзимье.

Сколько ни давал себе зарок выбросить думы о ней из головы – напрасно.

Снится девчонка и всё.

Ладно бы ночью, а то ясным днём, когда люди кругом.

Лик её рисовать в тетрадках принялся, письма в уме писать, представляя, как Вера их читает и ответ строчит.

Само собой разумеется, ответы сам сочинял. И разговоры сам с собой разговаривал.

Очень, между прочим, складно.

Говорил себе, что она самая красивая, самая скромная, самая желанная.

На этом неожиданно трудном слове всегда спотыкался, считая, что перешёл границу дозволенного, что даже обидел: ведь девочка такая чистая и целомудренная. Разве можно с ней о желаниях?

Когда однажды Вера не смогла сдать текущий зачёт, беззвучно плакала в конце тёмного коридора, Женька осмелился подойти и пожалеть девочку как некогда успокаивал сестёр. Правда, тогда ему совсем не было страшно, не то, что теперь.

Такое простое, казалось бы, действие, а ноги предательски дрожат и ладони покрываются испариной.

– Не расстраивайся ты так. У всех бывает. Хочешь, я с тобой позанимаюсь?

– У меня второй... второй незачёт подряд. А если отчислят? Я обратно в деревню не поеду. Лучше под поезд... Изменя отец мочалку сделает. Знаешь как он меня вожжами и вицами ивовыми драл? До сих пор шрамы. Вот, посмотри, – Вера метнулась показывать следы наказания, лихо задирая подол юбки, но вовремя пришла в себя, зарделась от осознания, что готова была оголиться перед юношей.

– А мы без папки росли. Тоже плохо. Уж лучше бы драл. У нас за отца старший брат, Егор Петрович. Никогда никого не обижал. Он и сейчас всю малышню воспитывает, так и не женился до сих пор. А мамка давно померла. Если бы не Егорка, оказались бы все в детском доме. Вроде брат, а на

самом деле отец. Вот как бывает.

– Моя мамка живая, только худая очень и болеет. Десятого родила и захворала. Семеро нас выжили, но плохие все, кроме меня. Папка коня продал, чтобы учиться меня отправить.

За разговором ребята, сами не понимая как, оказались в общежитии у Жени. Вера вела себя так, словно знакомы они были всегда. Куда только подевались робость и смущение.

Тем для разговоров появилась тьма, всего не переговорить. И все интересные.

Мальчишки, живущие в этой комнате, после занятий приходили уже затемно. Кто подрабатывал, у кого подружка была. Заниматься, готовиться к лекциям, никто не мешает.

Дела у Верочки с учёбой пошли в гору. Появился интерес.

Женя вернул ей уверенность в себе, помог похоронить страхи. Стало оставаться больше свободного времени.

Ребята объединили свои скромные бюджеты, начали готовить на двоих.

Как-то само собой вышло, что стали говорить о себе “мы”. Скучали, не видя друг друга несколько часов, ждали встреч. Общими у них стали не только усилия, но и мечты. Пока наивные, можно сказать детские.

Однако мимолётные дружеские прикосновения неожиданно начали походить на разряд током, вызывать биение сердца, желание более тесной близости и неясное пока томление, волнами оббегающее всё тело, стремящееся куда-то вниз живота.

Они уже не стеснялись учить уроки, лёжа вдвоём на кровати. В голове занозой застревала мысль: что будет, если поцелуются?

Когда мимолётная дума превращается в навязчивое желание, к тому же оно становится обоюдным...

Каждый думал о том, кто решится первым.

Как всё произошло, ребята просто не помнят. Оба словно сознание потеряли, растворившись в пространстве и времени, а когда очнулись, испугались того, что натворили, не понимая, что на них нашло.

Это же надо, совершить такое до свадьбы! Просто немис-

лимо.

Прошло совсем немного времени, когда Верочка, заикаясь и краснея, сообщила Женьке, что с ней что-то не так.

Конечно, она уже знала, точнее, боялась себе в этом признаться, что попросту беременна.

Как это некстати.

Конечно, замечательно стать матерью, особенно если ребёнок и отцу тоже нужен, но отец... её отец: у него мышление крестьянина. Наверняка сочтёт беременность несмываемым позором. Что будет дальше, предсказать не сложно. Убить не убьёт, а искалечить может.

Женька, конечно, не маленький, способен уже ориентироваться во взрослых проблемах, но и он растерялся. Ребёнок, свой, родненький, это замечательно. Тем более что Верочку, теперь он был в этом уверен, любит, готов жить с ней в любом качестве.

Впрочем, не так, он мужчина, муж, значит глава семьи.

Такая жена, об этом можно только мечтать. Но как отнесутся к этому братья и сёстры? Если будет семья и ребёнок,

Женька не сможет в полной мере заботиться о своих родных там, в деревне.

Нужно советоваться с Егором Петровичем. Что он скажет? Да и Верочкин отец тоже проблема немалая.

Крутили, вертели в уме ситуацию – нет решения. Верочка так и так останется недоучкой, да и Женьке не до диплома будет, когда маленький появится.

Всё бы ничего, нет неразрешимых проблем, да тут беда с Егором Петровичем приключилась: поскользнулся он и упал, когда копыта коню обрезал. Тот испугался и лягнул. Попал в голову. Расколот черепушку, пробил висок.

Брат выжил, но слёг.

Мало того, Тая к тому времени вышла замуж за лейтенанта, сразу забеременела и уехала с ним служить куда-то на край света и пропала.

По всему выходило – главой семьи становиться Евгению Петровичу.

Он-то готов взвалить на себе заботу о малышне, а Верочка на дыбы встала, – у нас теперь своя семья, о ней должен

заботиться. Проживут и без тебя. В деревню ни за что не поеду – нахлебалась.

Женька разрывался между женой и семьёй, не в силах принять взвешенное решение.

Всё валялось из рук.

Вера на сносях, Егор в больнице, ребягня брошена, от Таи ни весточки, денег нет.

Пришлось искать работу, постоянно пропускать занятия.

Мысли о братьях и сёстрах, о Егоре Петровиче, ставшем инвалидом, об учёбе и прочем лишило покоя и сна.

В семейной комнате в институте отказали. Вере пришлось взять академический отпуск, вследствие чего из общежития её выселили.

Сняли угол в коммунальной квартире. На учёбу совсем не стало оставаться времени. Тая совсем затерялась, от младших приходили короткие письма: ребягня жаловалась на крайнюю бедность.

Родившийся недавно сын постоянно болел, жена силь-

но изменилась после родов: придиралась по мелочам, скандалила, предъявляла миллион претензий. На предложение и просьбу уехать в деревню Вера отреагировала довольно непредсказуемо и весьма бурно: бросила ребёнка и ушла.

Тем временем на родине события вышли из-под контроля. Евгений Петрович впал в кому. Младшенький, Максим, чего-то с голодухи украл в колхозе. Его арестовали, судили. Всех остальных ребятишек из-за этих событий и по причине отсутствия кормильцев отправили в детские дома.

Семья рассыпалась на части. Нужно было срочно что-то предпринимать.

Вера стала пропадать часто, иногда на несколько дней, приходила домой пьяная.

Евгений взял академический отпуск, рассчитался за комнату и уехал с ребёнком, оставив жене записку с адресом. Ждать её решения он больше не мог.

Пока Женька добирался до дома, Генка и Денис, над которыми в сиротском приюте сходу начали издеваться, бежали. Их так и не нашли.

Егор Петрович умер, не приходя в сознание. Тая сконча-

лась от патологических родов. Близняшки Лиза и Надя заразились в детском доме туберкулёзом, осложнённым дистрофией от голода.

Для того, чтобы разыскать ребят и оформить документы уходило очень много времени и сил. Маленький ребёнок на руках не давал возможности работать. Сын постоянно болел. Хорошо хоть односельчане подкармливали.

Вера на письма не отвечала.

Спустя год от семьи Михеевых остался только Егор Петрович, который работал скотником и ни с кем не общался.

Всё свободное время мужчина проводил на могилах родных, заливая горе самогоном.

Егору Петровичу было двадцать пять лет, но те, кто его не знал, могли подумать, что он глубокий старик.

Безвыходных ситуаций не бывает, это известно всем, но случается так, что выхода просто нет.

Отравленная приманка

Кресло, в котором сидел Кирилл, было удобное, но у него затекли ноги и затылок, спину ломило так, словно вчера разгружал вагоны с мешками цемента. Виной тому нервно-плаксивое состояние, чего никогда прежде не случалось.

По стенам сновали яркие тени от проезжавших на улице машин, ужасно громко шипела в ушах тишина, клочковатые мысли свивали в мозгу гнёзда и тут же рассыпались в прах, роняя в бездну небытия то, что в них было отложено.

Отчего на душе так паршиво, словно его силой заставили выпить целый стакан касторки?

Кирилла мутило. Ощущение было гораздо хуже того, когда он шмякнулся головой об асфальт, не удержавшись за бампер автобуса, к которому цеплялся зимой, чтобы скользить за ним на ногах со скоростью ветра.

В тот раз в голове роем крутились искры, он падал с огромной высоты в бездонную пропасть, зная, что это последние секунды, которые способен осознать.

В тот раз он пробыл в коме около недели, потом два месяца

ца лежал в больнице, чувствуя острую боль где-то вне тела.

Сейчас ему было гораздо хуже, хотя на этот раз не терял сознание – болела душа и что-то ещё, чему не было определения.

Мужчина думал, что уже приобрёл опыт выхода из сложных ситуаций, исцелился, поскольку то, что однажды пережито, не вызывает такой же яркой реакции, как случившееся впервые.

Час назад него была девушка, невеста; молодые готовились к свадьбе. В этом не было никакого сомнения.

Именно так – была.

Жизнь манила заманчивыми обещанием счастья, заманчивыми перспективами и предсказуемостью. Кирилл уже всё рассчитал и распланировал на годы вперёд.

Час назад.

– Скажи, – спросила Ирина при встрече, приняв букет, – ты меня действительно любишь?

– Могу повторить это сто тысяч раз, – радостно сообщил

Кирилл, – ты самое дорогое, что у меня есть.

– Ты самый лучший, – растянуто, со странной интонацией сказала невеста. – Но, что ты скажешь, если я сообщу, что намерена немедленно прекратить отношения, если узнаешь, что ты у меня не единственный?

– Станный вопрос. Для того, кто любит, никого иного просто не существует. Ты не способна изменить. Мы же любим друг друга.

– Замечательно, что ты так думаешь. Мне ужасно жаль, но, извини, я беременна.

– Чего ты? Мы же, у нас с тобой ничего не было! Как это могло случиться.

– Именно в этом проблема. Конечно не от святого духа. Если бы что-то было, могла бы соврать, что ребёнок твой и любить тебя дальше, но, увы, сама отрезала для себя такую возможность, затягивая с постелью. Свадьбы не будет.

– Почему? Ты с ним рассталась? Это случилось давно? Скажи, что тебя обманули, взяли силой!

– Нет, Кирилл, я сама. Мы и сейчас встречаемся. Я давно

уже не девственница, привыкла к мужской ласке. Жить без секса мне не по силам, а ты, ты такой непорочный, такой застенчивый, робкий. Я не могла тебя соблазнять, ты не настаивал. Мне казалось, что это нормально.

– Я тоже не мальчик. Мне уже двадцать пять, у меня была женщина, была. Давно, очень давно. С тобой я мечтал о чистой любви, не хотел осквернять непорочные отношения, поэтому не настаивал на постельных отношениях: считал тебя недотрогой, радовался невинной свежести, считал тебя наивной девочкой.

– Получается, мы оба проиграли. Причиной тому недосказанность. Если бы ты сразу признался, сказал правду, ничего этого могло не случиться. Мне жаль.

– Зачем ты пришла? Чтобы сделать больно или пытаешься сохранить отношения?

– Захотела быть честной с тобой.

– Разве возможно обманывать честно?

– Я не давала тебе обязательств, ничего не обещала.

– А признания в любви, разве они совсем ничего не зна-

чат?

– Они были искренними, но я не сумела с собой справиться, сомневалась, что что-либо серьёзное получится. Мне нужен мужчина, а не иждивенец.

– Я работаю. Получается, что сомневалась в себе, а играла мной?

– Так бывает. Наверно я очень слабая. Ты останешься в моей памяти светлым пятном, но теперь это ничего не меняет.

– Любишь его?

– Не знаю. Я теперь ничего не знаю! Ребёнку нужен отец, только и всего.

– Будешь жить без любви, только потому, что поддалась минутному соблазну, позволила случайному мужчине сделать тебя матерью?

– Разве теперь есть варианты? Может быть, ты станешь отцом этому ребёнку?

– Нет. И не потому, что ребёнок чужой: не хочу начи-

нать жизнь с обмана. Я тоже слабый. Боюсь, что впоследствии могу вспомнить твою вину, тогда жизнь может превратиться в постоянный ад. Однажды я уже столкнулся с предательством. Мне казалось, что способен простить, но, увы, это оказалось слишком сложно. Именно потому я до сих пор один. Ты права, нам нужно расстаться.

Глаза женщины налились слезами. Она бросилась в объятия, принялась громко рыдать.

Рубашка Кирилла ещё сохраняла влагу, пролившуюся из глаз Ирины; манящий, волнующий запах её шелковистых волос, ощущение особенного, согревающего до кончиков пальцев тепла. И тошнотворный вкус её странных поступков, которые не укладывались в голове.

Он был опустошён, выжат, раздавлен.

В мыслях крутились случайно прочитанные, но отчего-то запомнившиеся стихи: “на кораблике бумажном наша юность вдаль умчалась. Что казалось нам неважным – самым главным оказалось. Всё так близко, всё так тонко, только это вспомнить мне бы, как смеялись нам вдогонку две звезды в высоком небе”

Звёзд больше не было.

В прямоугольнике окна быстро проплывали сгустки туч, завывал ветер, по стеклу стекали капли, точно такие, как из его глаз.

Вспомнилась первая, единственная до Ирины девушка, которая была ему по-настоящему дорога.

Это был возраст любви.

В то время ему грезились романтические отношения, чувственные и яркие, какие описываются в романах, легендах и сказках.

Кирилл заглядывал в глаза каждой встреченной девушки, пытаясь отыскать в них искру любви. В его поступках и мыслях было достаточно сухого хвороста, чтобы зажечь необъятное пламя непорочной страсти.

Он ждал любви, жаждал её испытать, надеялся, что волшебное чувство не обойдёт его стороной.

Сознание посылало и посылало сигналы возвышенных влечений, перед возможностью которых он благоговел, беспомощно озираясь вокруг, но ничего не находил, потому, что не представлял, как именно выглядит то, что ищет.

Переживания неизведанного, но желанного, переполняли, будоражили, овладевали каждой клеточкой тела, которое ждало чуда.

В то время он был способен принять за любовь любую улыбку, жест или взгляд, даже незначительный намёк на взаимные помыслы.

Нет смысла говорить, что Кирилл летал во сне и наяву, пытаясь утолить жажду затерянных в пространстве и времени ощущений, без которых продолжать жить было невозможно.

Он был настойчив и беспомощен, потеряв связь между реальностью и вымыслом. Тысячи раз юноша что-то испытывал в грёзах, не понимая, отчего становится так хорошо.

Так было не всегда. Чаще к Кириллу приходили видения, в которых липкая пустота была наполнена невнятными, но тревожными звуками и смыслами.

Он от кого-то убегал, что-то пытался спрятать. Каждый раз, когда хотел дотронуться до чужого пленительного тела, которое обычно расплывалось и таяло во тьме, испытывал блаженную истому и восхитительный трепет, но сталкивался

с пустотой, рождающей отчаяние и страх.

Пережитое в мечтах было слишком ярким.

Столкнувшись с первыми чувствами наяву, Кирилл начал невольно сравнивать, почему-то не в пользу реальности.

Всё было не то и не так.

Первые слюнявые поцелуи с Полиной вызывали не столько сладостный трепет, сколько брезгливость. Кирилл старался незаметно отвернуться и вытереть губы.

Девушка была прелестна, но не такая, как в мечтах.

Юноша страдал от несоответствия, пытался понять умом, в чём причина необъяснимого беспокойства, странной настороженности, но не находил объяснений.

Несмотря на тревогу и предчувствия их отношения развивались, формировались и крепили. Многое из того, что вызывало смутные предчувствия чего-то неправильного, забылось. Ребята проводили вместе практически всё свободное время.

Кирилл осознал, что настоящая любовь отлична от при-

думанных, созданных из фантазий отношений.

Первый раз, когда юноша приник к нагому телу подруги, ощутил по-настоящему то, о чём грезил и мечтал, было совсем иным, чем представлялось.

Не было той трепетной сладости, восхитительного изнеможения, неодолимой признательности и нежности, пьянящего экстаза, окутывающего каждую клеточку разгорячённого тела, признательности и благодарности за доставленное счастье.

Не было.

Полина не исчезла, не растворилась, но и он не летал.

Где восторг, волнение и безумная страсть?

Всё случилось до невыносимости обыденно: странно неудобная поза, раздражающие запахи, неприятные звуки, ручьями стекающий скользкий пот, липкость. Это было скорее гадко, чем приятно.

Закончилось всё изнеможением и слабостью, желанием отстраниться, извиниться за всё то, что натворил.

Неужели это и есть любовь? Именно об этом пишут в романах и сказках? Разве в этой унижающей пляске смысл таинства жизни?

Кирилл не смел поднять глаза, посмотреть на Полину, боялся увидеть осуждение и боль. Ведь он слышал, как девушка стонала, значит, причинил ей страдание и боль.

– Прости, Полина, я не хотел, – через силу прошептал Кирилл.

– Дурачок, мне было так хорошо.

– Почему?

– Потому, что ты мужчина, а я женщина.

– И всё?

– Да нет же, бывает гораздо лучше. Есть много необычных способов, более приятных, но такое удовольствие только для любимого.

– А разве я...

– Кирилл, мой жених служит в армии. Скоро дембель, мы

поженимся. Разве тебя не устраивают наши отношения? Я и так тебе очень многое позволяю. Радуйся, что потерял девственность без излишних переживаний.

– Но я тоже тебя люблю. Зачем ты меня обманывала?

– Когда, Кирилл? Ты получаешь от меня всё, чего хочешь сам. Это игра, забава. Разве я признавалась в любви? Какой же ты ещё ребёнок. Отвернись, я оденусь. – И чуть позднее, уже из коридора, – Можешь не провожать.

Кирилл был уничтожен. То, что он услышал, не укладывалось в голове.

Да, он жил не в безвоздушном пространстве, среди людей: слышал от сверстников о доступных девушках, одноразовом сексе, изменах и предательстве, но думал и верил, что его это не коснётся.

Как же он возненавидел Полину: мечтал отомстить, уничтожить, унижить.

Грязные, жестокие мысли обволакивали сознание, вызывали спазмы и приступы отчаяния. Он не хотел жить.

– Все бабы б***ди, – кричал он от отчаяния, – не-на-ви-

жу!

Всю ночь Кирилл ворочался в постели на грязных простынях, осмысливая, как жить дальше. Когда забрезжил рассвет, уже немного успокоенный, он разглядел пятна на кровати, свидетельствующие о том, что произошедшее ему не приснилось, и заплакал.

Это уже был совсем другой юноша.

Что именно в нём стало не так, понять было невозможно. Мысли потекли в другом направлении: возможно, он смирился с ситуацией или переоценил что-то, казавшееся раньше незыблемым и правильным.

Кирилл снова хотел видеть Полину, мечтал опять затащить её в постель и...

Это странное “и” теперь не давало покоя. Мозг оккупировали, атаковали новые грёзы: желание повторить то, что вчера казалось гадким.

Малейшие намёки на то, что интимное приключение не было случайным, что продолжение их связи возможно, пусть даже без будущего, что, скорее всего тоже есть надежда изменить, вызывали прилив крови и похотливые спазмы в па-

ху.

Мысли о том, что он стал мужчиной, приятно щекотали нервы, давая повод для самоутверждения, самолюбия и тщеславия.

Он мужчина и это здорово.

Желание ворваться в сладкую щель делали мальчишку немного безумным. Он хотел её, хотел.

В голову то и дело влезали мысли, как он замечательно будет это делать.

Остужала лишь необходимость думать о серьёзности намерений. Ведь если он продолжит спать с Полиной, скорее всего, придётся на ней жениться. Этого, после того, что о ней узнал, совсем не хотелось.

Рассуждения раздваивали его существо, рвали на мелкие кусочки: получалась нелепость, бессмыслица, белибирда.

Кирилл был человек ответственный, склонный к серьёзным отношениям. Он не мог поступиться совестью, которая подсказывала, что близкие интимные отношения, это навсегда.

Но как можно говорить о постоянстве, если Полина спала с женихом, дарила своё тело ему и неизвестно кому ещё.

Тем не менее, переживания и метания закончились в пользу секса.

Кирилл купил цветы, приделся и пошёл к Полине.

Девушка ждала.

Они овладевали друг другом настойчиво, похотливо и жадно, забывая о том, что вскоре вычеркнут из памяти эти мгновения, забудут обо всём на свете.

Кирилла забавляло и радовало новое состояние: возможность не во сне, а наяву, взять и дотронуться до любой части тела Полины, проникнуть в запретные пределы, настойчиво потребовать повернуться как угодно или сделать такое, о чём даже в грёзах не смел думать.

Девушка была доступна целиком и полностью, принимала его действия с радостью и желанием, даже пыталась уредить сокровенные чаяния.

Насытившись, Кирилл начинал думать о том, что пора за-

канчивать грязные отношения. Когда Полины не было рядом, изнемогал от вожделения и страсти.

Определиться, чего хочет больше, не было возможности.

Девушка любила во время секса рассказывать о своём парне, акцентируя внимание на тех моментах, которые у того якобы получались чувствительнее и лучше.

Кирилл нервничал, временами бесился, отчего его страсть возрастала многократно. Раздражённый и злой, он мог часами находиться внутри Полины, старался сделать ей больно, отчего девушка приходила в неопиcуемый восторг.

Понять себя и свои желания у Кирилла не получалось. Временами ему казалось, что это и есть любовь, но иногда это чувство моментально превращалось в ненависть.

Он, то звал и любил свою женщину, без которой не мог жить, то прогонял и презирал. Потом дарил кучи цветов, извинялся, ползал на коленях.

Это были странные отношения, которые медленно, но верно разрушали его характер и психику. Больше всего Кирилл боялся, что их встречи могут когда-либо закончиться, о чём Полина напоминала бесконечно.

Однажды девушка рассказала, что потеряла девственность в тринадцать лет.

Сначала это было любопытство. Она просто кокетничала, хотела испытать то, что чувствуют взрослые, но не всерьёз, а понарошку.

Как-то завела папиного друга, намеренно выставляя напоказ попку без трусиков, якобы случайно. Дядя Витя ждал отца, но на оголённые прелести отреагировал однозначно: охотничьей стойкой. Ему было около тридцати пяти лет.

Мужчина закрыл входную дверь на защёлку и сразу приступил к открытым боевым действиям.

Полина была жёстко повергнута в коленно-локтевую позу. Это вызвало у неё испуг и шок, но поздно: мужчина был возбуждён, ничего не соображал.

Девочка вырывалась, плакала. Было ужасно больно.

Родителям она ничего не рассказала.

Дядя Витя стал наведываться чаще.

Кириллу стало жалко Полину, когда та рассказывала.

Он обнял её и сразу почувствовал невероятную эрекцию. Захотелось иметь девушку именно в той позе, в которой она лишилась целомудрия.

Потом были новые рассказы и новые открытия. Оказалось, что у Полины весьма богатый сексуальный опыт и очень насыщенная интимными приключениями жизнь.

Кирилл уже не понимал, где в их отношениях реальность, где выдумка. Чуть позднее он понял, что Полина специально разжигает его воображение, чтобы вызвать животную страсть.

Девушка приходила к Кириллу домой, как на работу, в одно и то же время. Ночевать никогда не оставалась. Похоть появлялась у парня задолго до её появления. Он мог начать греховные эксперименты прямо в прихожей, прижав её к вешалке.

Когда Полина уходила, Кирилл проклинал свою слабость, клялся и божился, что в последний раз проникает в её лоно, что завтра всё закончится. Несколько раз он пытался выдворить девушку, говоря, что не хочет, не может, что устал от неё и этих гадких отношений.

Полина улыбалась, вываливала упругую грудь или поднимал подол платья, под которым ничего не было надето, проводила влажным языком по чувственным изгибам губ, проникла в глубину его мозга обворожительным взглядом.

– Можешь. И хочешь. Ты всегда меня хочешь. Мои груди, губы и розовый цветок будут преследовать тебя всю жизнь. Дядя Витя, между прочим, готов отдать за ночь со мной всю зарплату. Возьми же меня скорей и не кочевряжься. Я вся мокрая.

– Ведьма, – рычал Кирилл, – какая же ты дрянь! Ты что, действительно собираешься выйти замуж за того парня, который служит в армии? Ты же изменяешь ему, не любишь его. Как же я тебя хочу!

– Да, я дрянь. Да, я не собираюсь сохранять ему верность и впредь. Но я обещала дождаться из армии, выйти замуж, и обещание это выполню. Торопись насладиться, Кирилл, через неделю мой жених приедет, мы расстанемся.

– Я ему всё расскажу.

– Зачем? Хочешь, чтобы он сделал тебя калекой?

– Потому, что люблю тебя!

– Дурашка. Иногда мы будем встречаться. Иногда. Ты будешь меня ждать?

– Я буду тебя ненавидеть.

– За это я тебя и люблю. Кстати, сегодня ко мне приходил дядя Витя.

– Он с тобой спал!

– Как ты догадался? О, ты уже возбуждён. Как это здорово.

Кирилл метался внутри этих отношений, изнемогая от желания и ревности, от любви и ненависти.

Полина действительно вышла замуж. Перенести этого юноша не смог. Он уволился с работы, уехал в другой город, в надежде её забыть, долго страдал, не находил себе места.

Несколько лет, проведённых в непрекращающейся депрессии, сделали его бесчувственным. Во всяком случае, Кириллу так казалось.

Потом появилась Ирина. К юноше вернулась настоящая любовь, оказавшаяся такой же химерой, такой же отравленной приманкой, как и первая.

Теперь Кирилл сидит, пригвождённый к креслу, не в силах забытья, и мечтает о мести, вынашивает коварный замысел отомстить всем женщинам, всем до единой.

Приятного аппетита

– Хочешь, я угадаю, о чём ты мечтаешь, – спросила странно оживлённая Вика мужа прямо с порога.

Николай с недоумением на лице и с открытым ртом стоял в конце коридора. Он был слегка взъерошен неожиданным вопросом.

В правой руке мужчина держал телефон, левой поправлял кухонный фартук. По квартире дефилировал аромат жареного картофеля, такого, какой умел готовить только он один, и чего-то мясного.

– Почему ты молчишь, не хочешь стать счастливым, – вопрошала жена с сарказмом в голосе, что было ей совсем не свойственно, – дело в том, что я готова исполнить это заветное желание, как золотая рыбка. Но только одно.

– Ты получила наследство от дядюшки из Америки?

– Разве этого тебе хочется больше всего? Нет, милый. Я о твоей любовнице, Люсеньке, которой ты обещал дать мне отставку, сегодня, сейчас. Ведь у вас такая неземная любовь. Так вот, я согласна отпустить тебя к ней. Будьте счастливы.

– Но...

– Никаких но, любимый. Я же дала слово, что исполню заветную мечту. Ты уже счастлив? Тогда можешь собирать вещи. Не забудь позвонить Люсеньке, вдруг у неё есть другой любовник.

Николай теребил передник, нервно поглядывал на телефонную трубку, потел и краснел. Так обычно ведут себя начинающие преступники, пойманные с поличным. Они прожили вместе десять лет: жена была преданная и кроткая, никогда не перечила, не выясняла отношений.

– Ты о чём, Вика? Такие вопросы не решаются с бухты барахты. Нужно обсудить, подумать. Кто вообще сообщил тебе всю эту ересь?

– Какую именно? Отрицаешь наличие любовницы, факт состоявшегося с ней разговора или пытаешься со мной торговаться? Я обещала выполнить только одно желание, а не три. Ты свободен как ветер в степи.

– Но ты, а не она моя жена.

– Неужели! Мне так не показалось, когда вы увлечённо

целовались. Я засекала время. Семь минут, любимый. Семь минут, не отрываясь, ты высасывал из Люсеньки мозг. Или она из тебя. Как яростно, как чувственно ты её прижимал, с каким остервенением мял её аппетитную попку. Вы смотрелись неплохо. Одобряю твой выбор.

– Ты не так поняла, Вика!

– Ась! Не с того ракурса смотрела? Бред, мне хорошо было видно. Люсенька плакала от счастья. Ты тоже был весьма доволен. Поздравляю! На свадьбу можешь не звать, мне будет некогда.

– Я не дам тебе развод. Не дам и всё.

– И не надо. Я всё сама сделаю.

– Ты? Вика, не смейся, ты же ничего не умеешь. Это я, я тебя сделал, обеспечил всем.

– Согласна. Ты молодец, Коля, но я тоже кое-чему научилась. У меня было много времени, чтобы освоить основы права заочно. Преподаватели меня хвалили, говорят, я талантлива.

– Не беси меня. Скажи, что пошутила и я всё забуду.

– И Люсеньку тоже? Но ведь она от тебя беременна. Или ты ещё не в курсе этого важного события? Бедный Коленька. Ничего, думаю, Люсенька справится.

– С чем она должна справиться? По-моему разговор не о ней, а о нас.

– Ну как же! Ей ведь придётся кормить себя, тебя и ребёнка. Я ей так сочувствую.

– С какой стати! Ты полная дура! Нет, ты идиотка! Я оставлю тебя с голой жопой, если не извинишься сейчас же. Меня трясоти начинается. К чему весь этот цирк?

– Да не волнуйся ты так, любимый. Не дай бог родимчик хватит. Пожалей Люсеньку.

– Всё! Я спокоен, спокоен. Давай теперь по порядку: мы семья...

– Твоя семья теперь там, зачем себе-то врешь! Вы же уже всё решили.

– Тогда убирайся сама.

– Легко, любимый.

– Не смеши мои тапочки. Кому ты такая красивая нужна? Уборщицей работать пойдёшь?

– А ты, ты уже нашёл себе работу?

– У меня есть. Очень даже неплохая. Вот это всё заработал я. Эта квартира, мебель, шмотки, машина, дача – всё моё.

– Ой ли! Вон там на тумбочке папочка. В ней все документы. Это не оригиналы, копии. Можешь взять. Изучи на досуге. Всё, что ты перечислил, любимый, по документам и по закону принадлежит мне. Ты сам настоял на этом, сам! Потому, что постоянно сидел на измене, потому, что воровал у фирмы, врал всем, мне в первую очередь. Только не учёл одного: я не дура и не идиотка. Извини, милый, я же сказала, что изучала право. У меня и диплом есть. А ты и не заметил. Я нужна была тебе для статуса, для мебели. Знаю, знаю: про Катю Вершинину, про Лизу Пяткину, про Соню Чайкину, про девочек по вызову, которых заказывал на мальчишники.

– Все так живут.

– Уверяю, что не все. Игорь Леонидович, твой шеф, после того, как скончалась от травмы головы его жена, пять лет

живёт бобылём. Жил. Теперь мы поженимся.

– Что ты сказала!

– Только то, что тебе нужно срочно искать работу. Не могу же я обманывать будущего мужа. Мне придётся всё ему рассказать. В интимных отношениях самое главное – честность. Жаль, что ты это не понял. Теперь я принц, а ты нищий. Убедишься, когда изучишь документы. У тебя ничего нет, кроме Люсеньки и её будущего ребёнка.

– Ты не можешь так со мной поступить.

– Отчего же, любимый? Ты же обещал Люсеньке, что сделаешь нищенкой меня.

– Не было этого, не было!

– Теперь не важно. Это ты Люсеньке расскажешь, если не бросит тебя, когда узнает, что ты полное ничтожество. Уверю тебя, в этом городе после увольнения тебя никто не примет на престижную должность.

– Какая же ты сука, Ви-ку-ля!

– Намекаешь на то, что ты облезлый кобель? Пожалуй, с

этим я соглашусь. Вкусно пахнет, любимый. Приятного аппетита.

С тобой. Только с тобой!

Пожилая пара не спеша разгуливала по парку, такому прекрасному в эту предзимнюю пору. Хотя на клумбах оставались одни сухоцветы, аллеи выглядели празднично: золотая осень разукрасила место отдыха горожан лучше любого дизайнера.

В глубине парка, за городком аттракционов, на сцене, где по выходным дням давали концерты коллективы художественной самодеятельности, с некоторых пор вновь стал играть духовой оркестр, совсем как во времена их молодости.

Туда они и направлялись.

Звучали чарующие аккорды вальса “Осенний сон”, потом “Воспоминания”. Чуть позже стали играть такую знакомую, пробуждающую давно забытые чувственные переживания из далёкой юности “На сопках Маньчжурии”.

Какое замечательное настроение создавали тогда эти волшебные, восхитительные мелодии, под которые в ту пору жили, грустили и влюблялись.

Удивительное было время.

Женщина закрыла глаза, уверенно опираясь на руку мужчины, который бережно прижимал попутчицу, готовый поддержать её скованный, уязвимый шаг, вспоминая, как всё было тогда.

Как же они были счастливы, как любили друг друга. Тогда ниточка их судьбы только начинала раскручиваться.

Виктор был весёлым, увлечённым, уверенным в себе юношей с нагромождением планов на жизнь и массой амбиций. Его глаза светились азартом и любовью.

Возвышенные чувства, неповторимы гипнотические эмоции, эта восхитительная музыка в городском саду. Они с упоением подолгу вальсировали, плавали на лодочках, летали на качелях, смеялись и радовались жизни.

Музыка рвала душу, качели взлетали, надувая платье, сердце выпрыгивало наружу. Было страшно и радостно, приходилось бороться с желанием отпустить руки, потому, что внизу за ними наблюдала толпа зевак, наверняка им было видно трусики.

Трусики.

Да, в тот раз, когда они впервые... на ней было васильковое платье и сатиновые трусики в красный горошек. Витька их увидел. Лицо горело, стало пунцовым, она чуть не расплакалась от стыда и смущения.

Витька увидел её неожиданную и совсем нежеланную реакцию, замедлил движение лодочки качелей, остановил.

Потом они целовались.

Виктор был самым лучшим, самым любимым и дорогим человеком на свете. Его сильные руки прижимали так, что она таяла, как снежинка, исчезала, растворяясь в нём, чувствуя только его сладкие губы и волшебный вкус поцелуя, который возносил над землёй и парком.

Когда это было!

Когда.

Пятьдесят с лишним лет назад.

Целая вечность проشمыгнула незаметно, оставив лишь воспоминания, искажённые временем, взамен наградив за терпение и стойкость сединой да глубокими ущельями морщин, которые невозможно спрятать даже косметикой.

Оркестр начал играть “Амурские волны”.

У родителей был патефон и много пластинок. Она помнит, с каким восторгом слушали, одновременно танцуя и целуясь, когда Вертинский исполнял популярный тогда вальс “Грусть”, который возносила над обыденностью, заставлял сердце страдать и замирать от избытка счастья одновременно.

Виктор очаровал и пленил сразу. От тех дней почти не осталось следов. Несколько лет пролетели, словно в тумане, как наваждение, как морок, слившись воедино.

Кажется, она все эти годы была не в себе, потому, что ничего не ощущала, не видела вокруг, кроме его рук, губ и глаз.

– Ты не устала, Катенька? Давай присядем.

Парочка со стороны выглядела так трогательно, так мило. Старичок нежно подносил руку женщины к губам и целовал, поглядывая на спутницу лукаво. В его глазах искрилось счастье.

– Помнишь, Витя, как сжималось сердце, когда мы слушали марш Славянки?

– Помню. Только я тогда прижимал тебя, и думать мог только о тебе.

– Знаю. Я тоже была от тебя без ума. Мы были замечательной парой. А как мы танцевали! Я специально ходила в кружок бального танца.

– А меня мама научила.

– У тебя была самая лучшая мама на свете.

– Лукавишь, Катенька. Она тебя немного недолюбливала.

– И это я тоже знала. Но справилась. Позже мы стали почти подругами. Она так помогала, когда Костя и Лада были малютками.

– Давай куда-нибудь пересядем. Эта молодая парочка напротив, они так некрасиво себя ведут. Разве можно на глазах у всех... он же шарит у девчонки под юбкой, а та смеётся.

– Не суди строго, Витя. Мы тоже были молодые. Не за этим ли мы сюда явились, чтобы ещё раз вернуться в то время?

– Я никогда не позволял себе...

– Тогда это было не принято. Сейчас стало проще. Я разрешила тебе исследовать грудь уже после свадьбы, но и тогда испытывала неловкость. Помнишь, как я плакала, когда ты мне пытался доказать, что интим между мужем и женой, это нормально?

– Да, милая, ты долго сопротивлялась. Говорила, что это мерзко и пошло – бесцеремонно вторгаться в интимную сферу, уповала на мою комсомольскую сознательность. Интересно, откуда бы появились наши дети и внуки, если бы мне не удалось тебя уговорить.

– Это сейчас смешно, а тогда я обмирала от страха.

– Чудачка. Наверно за непосредственность и наивность я тебя и люблю.

– У тебя уже был к тому времени опыт.

– До сих пор ревнуешь? Я же тогда во всём откровенно признался. Люся была до тебя. Я же не предполагал, что встречу милую девочку Катеньку, что влюблюсь без оглядки в её колдовские серые глаза, в нежные пальчики и сладкие губки.

– И всё же. Не представляешь, как это больно, знать, что ты не первая, не единственная. Ладно, это осталось в далёком прошлом.

– Вот именно, Катенька, вот именно!

– Но это не снимает с тебя ответственность. Хоть сейчас согласишься, что это тоже измена.

– Полно тебе, не о том думаешь.

– А о чём я, по-твоему, должна думать?

– О нас, конечно о нас, но о хорошем, добром. Да, наша жизнь была непростой, да мы наделали массу ошибок, допустили произойти миллиону милых и не очень приятных глупостей. Да, нам есть о чём сожалеть и грустить, но согласишься, мы были счастливы.

– Не спорю. Однако сквозь вуаль романтических пейзажей, навеваемых романтическими мелодиями, пробиваются нотки горечи. Это реальность, пусть не очень приятная, но роковые ошибки тоже наша с тобой жизнь.

– Забудь о плохом. У тебя что, драматическое настроение?

– В некоторой степени. Нельзя не замечать очевидное. Ты неоднократно давал поводы для недоверия и ревности.

– Преувеличиваешь, Катенька. Меня не в чем было упрекнуть.

– А Регина. Ещё скажи, что она стала приятной неожиданностью.

– Не будем о грустном. Что ты ворчишь, как старуха.

– Я и есть старуха. Ты не заметил?

– Даже не собираюсь замечать. Ты всё так же прекрасна.

– Докажи.

– Но как!

– Обыкновенно, как тогда.

– Целоваться, на глазах у всех? Катенька, я тебя не узнаю. И потом, я женат.

– Вот именно. Регина на десять лет моложе меня. Это го-

ворит о том, что ты тоже порочен. Связаться с малолеткой. Немыслимо!

– Не ревнуй. Я же не осуждаю твой брак с Анатолием.

– Ещё бы ты осуждал. Напомнить, кто первый начал?

– Катенька, не сердись. Это случилось двадцать лет назад. Наша любовь тогда превратилась в привычку: кризис среднего возраста и всё такое. Нам нужен был повод жить дальше. Всё равно я люблю тебя больше жизни.

– А я тебя. Но это не оправдание. Мы могли остаться вместе.

– Могли. Могли и дальше портить друг другу жизнь, скандалить, предъявлять претензии. Слава богу, что этого не случилось. Мы остались друзьями, часто встречаемся. Извини, Катенька, мне пора. Когда мы увидимся в следующий раз?

– Когда-когда! Это зависит только от тебя. Мой Толик парализован, ты же знаешь. Он после инсульта даже говорить не может, только знаки подаёт. Позвонишь, я тут же прилечу.

– Договорились. Как только Региночка соберётся ехать к маме, я позвоню.

– Постарайся приурочить наше свидание к выходному. Я так люблю духовую музыку. Если ты будешь в форме, мы потанцуем.

– Катенька, какой теперь из меня танцор! Куда лучше поцелуй. У меня до сих пор это получается.

– Тогда сейчас, немедленно. У тебя больное сердце, мало ли что...

– Но не здесь же.

– Скажи ещё, что нужно спрятаться в грязном подъезде или за старым сараем.

– Не скажу. Но и на людях целоваться не стану.

– Глупый. Они же не знают, что мы разведены. Такой поцелуй ни у кого не вызовет подозрений.

– А совесть?

– Вот ты как заговорил! Про совесть вспомнил. А Регинку кто целовал, будучи женатым! Совесть!

– Ну, прости, прости! Сколько можно вспоминать об одном и том же. Представляешь, если наши дети и внуки узнают, чем мы занимаемся?

– Думаю, обрадуются. Не представляешь, как они за нас переживают.

– Представляю.

– Скажи, – спросила Катя после продолжительного поцелуя с объятиями, – ты с ней счастлив?

– Ну, зачем ты всё портишь! С тобой мне было гораздо лучше.

– Вот и мне... Ладно, иди уж! Долгие проводы – лишние слёзы.

Старик пошёл в одну сторону, старушка в другую.

Катенька шла и напевала себе под нос слова вальса “Грусть”, – когда с тобой встречались мы, сбывались даже сказочные сны, и мы летели над землёй в простор небесный голубой! С тобой!

– Ах, молодость-молодость, как же тогда было прекрасно

жить. С тобой. Только с тобой!